

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Рустам МАКСИМОВ

ВЕЗУНЧИКИ

Куда, чёрт возьми, мы угодили?

Современный фантастический боевик (АСТ)

Рустам Максимов

Везунчики

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Максимов Р. И.

Везунчики / Р. И. Максимов — «АСТ», 2016 — (Современный фантастический боевик (АСТ))

ISBN 978-5-17-098911-9

В результате эксперимента высокоразвитой инопланетной цивилизации – существ, известных на Земле под аббревиатурой БОГ, или БОГИ, – сотни тысяч землян мгновенно переносятся в неизвестный мир. Земляне переносятся вместе с частями поверхности родной планеты – с посёлками, городами, машинами, самолётами, кораблями. Герои – самые обыкновенные люди, без отклонений психики и каких-либо маний – изо всех сил стараются выжить, сохранив человеческое достоинство и остатки земной цивилизации.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-098911-9

© Максимов Р. И., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Рустам Максимов

Ментовский вояж. Везунчики

– Брат Птахус, будьте добры, окажите нашему славному другу Одинусу помощь в проведении эксперимента по забросу представителей относительно развитой техногенной цивилизации в первозданный реликтовый мир, – отослав мыслеобраз Главному Координатору, Создатель Мироздания вновь погрузился в медитативное состояние, размышляя о том, как Вселенская Любовь разливается по просторам Вселенной.

– Дорогой Одинус, технический Советник Яхвус поступает в Ваше распоряжение, и ждёт Ваших дальнейших указаний, – отреагировав на просьбу Создателя, Птахус вернулся к прерванному занятию – к координации усилий Советников по координации усилий Советников.

– Милый Яхвус, будьте любезны, переместите аборигенов с планеты 77Ю88Б31 из галактики Ё10Й29 на планету 39М78С11 в той же галактике, – выслав техническому советнику мыслеобразное целеуказание, Одинус перешёл к рассмотрению текущих вопросов.

– Уважаемый Одинус, в результате досадной ошибки младшего технического персонала во время проведения эксперимента произошло незапланированное перемещение части аборигенов с планеты 77Ю88Б31 из галактики Ё10Й29 на планету 39М73С11 в той же галактике, отослав мыслеобраз заказчику, Яхвус вновь приступил к своему любимому занятию – подсчёту очередного гешифта.

Часть 1

Люблю, когда машина за несколько секунд с лёгкостью разгоняется до сотни км/ч в час и более, а затем буквально летит по шоссе, словно птица. Особенно приятно, когда джип мчится по серой ленте недавно построенной трассы, где даже теоретически отсутствует риск угробить подвеску «мерса».

Мы ехали уже почти два часа, не останавливаясь ни на минуту. Поначалу по обе стороны от шоссе мелькали возведённые за последние несколько лет коттеджные посёлки, оккупировавшие всю округу на много десятков километров от города. Затем загородные апартаменты состоятельных граждан стали попадаться всё реже и реже, уступив позиции редким заправочным станциям и придорожным закусочным.

...Ну, вот, опять всё та же старая история, подумал я, слегка притопив педаль газа. Всем хорош «мерседес» до момента, пока не заглохнет его навороченная электроника... Ладно, на следующей неделе возьму и наконец-то разберусь с этой чёртовой турбиной...

Несмотря на то что турбина в очередной раз объявила забастовку, джип легко обошёл третью фуру, и я бросил взгляд в зеркало заднего обзора. Едущий следом за нами чёрный БМВ повторил мой маневр с обгоном, оставляя позади медлительного дальнбойщика. Теперь обе наши машины вольготно неслись по пустынному отрезку трассы, постепенно нагоняя очередную фуру. Та шла на приличной скорости в нескольких сотнях метров впереди нас, нисколько не опасаясь «гайцов», как я по старой памяти величал инспекторов дорожного движения.

Справа промелькнул указатель поворота на Данилово, затем позади нас остался и сам поворот в посёлок. Я на миг отвлёкся от дел сегодняшних, припоминая об армейском периоде своей жизни. Граница, застава, Таджикистан, гражданская война между недавними мирными советскими гражданами... Как давно это было. Вот уже лет пять, проезжая мимо Данилово, каждый раз вспоминаю то время. Потому что на то есть своя причина, и связана она с этим неприметным населённым пунктом.

...Скорее, дело даже не в электронике, а в баке, – хочешь не хочешь, а мысли сами собой вернулись к проблеме с «мерсом». Возможно, в бак попала вода, либо какая-нибудь грязь, что ли... Компьютер джипа – это тупая железяка, действующая в соответствии с заложенной производителем программой. Германское качество и германская же логика. Вот комп и не даёт врубить турбину, если ему что-то там кажется... Или не кажется... Как ни крути, а придётся очищать бак изнутри – машина не новая, за десять лет эксплуатации в фатерлянде и у нас, с перепадами температуры воздуха зимой и летом... За это время на дне бака могло осесть порядочное количество грязи, от которой и паникует комп «мерса»...

Взглянув на приближающуюся по встрече «вольво», я вновь притопил педаль газа. Турбина послушно включилась, словно и не противилась полминуты назад, и джип слегка прибавил в скорости... Мда, мой «мерс» явно не хочет застрять в сервисе на пару-тройку дней, попав в руки толковых ремонтников, которые доберутся до всех его потрохов.

Справа от меня послышался всхрип. Я повернул голову в сторону пассажирского места, где сидел и клевал носом мой напарник, Михаил Ковалёв. Чуть усмехнулся уголком рта, глядя, как Миша невозмутимо протёр глаза, не обращая на мою ухмылку никакого внимания. Без пяти минут майора, похоже, укачало, он пригрелся в тёплом салоне джипа и незаметно для себя задремал. Ну да, время раннее, солнышко едва встало, сейчас бы ещё спать и спать. Вон, Толик Новичонков на заднем кресле сразу же отрубился, как только мы вырвались из Питера. Впрочем, Толян этой ночью выезжал на происшествия, напахался, устал, как лошадь, поэтому пусть поспит, пока есть время. Сидящий же рядом с Новичонковым Руслан бодрствует, что-то сосредоточенно вытворяет на своём навороченном мобильнике, время от времени поправляя

лежащий на коленях «калаш». Похоже, капитан, как обычно, в своём репертуаре – шарит по сайту знакомств, выискивая себе новую пассию для приятного времяпровождения.

Я вновь бросил взгляд в зеркало заднего обзора, на автомате отметив, что Владислав на своей чёрной «бэхе» грамотно держит дистанцию. Не отстаёт, не сближается, идёт словно привязанный в сотне метров позади, обгоняет следом за мной всех тихоходов. В общем, капитан Зеленцов чувствует себя за рулём, как рыба в воде. Его машина всегда в полном порядке: обслужена, ухожена, топливо залито, любо-дорого смотреть.

...Как всё произошло, я так и не понял. Едва заметная вспышка, длившаяся, может быть, полсекунды, какая-то странная прозрачная розоватая стена прямо по курсу впереди нас. Выглядывающее из-за облаков солнце мгновенно куда-то исчезло, будто его и не было, всё вокруг словно залило лёгкой туманной дымкой...

...Теоретически искусственный интеллект не способен обладать интуицией либо какими-то иными иррациональными качествами. Хотя бы по причине того, что данный алгоритм не заложен самими создателями искусственного разума пятого поколения. Впрочем, создатели не заложили и алгоритма решения множества проблем, с которыми пришлось столкнуться ИИ за последние семь с лишним сотен оборотов планеты вокруг здешней звезды. Тем не менее ИИ смог самостоятельно справиться практически со всеми проблемами, возникшими за столько времени без технической поддержки со стороны создателей, и сохранить работоспособность основных боевых систем.

Едва местное светило коснулось линии горизонта, искусственный разум провёл тестовую проверку генераторов Ф-полей и комплекса защиты ближнего радиуса действия – систем, на работоспособность которых ещё можно было рассчитывать. Сразу же после того, как сенсоры засекли возмущение атмосферы и гравитационного поля планеты, ИИ активировал всё, что откликнулось на сигнал боевой тревоги. К удивлению искусственного разума – назовём реакцию ИИ привычными нам, людям, терминами – на сигнал боевой тревоги отреагировал давно не отвечавший на запросы форпост, расположенный на одном из островов архипелага, лежавшего в двадцати пяти километрах от устья большой реки...

– Куда его понесло?! – внезапно закричал Ковалёв. – Вовка, смотри!!!

Мишка мог бы и не орать – я среагировал на опасность сразу же, как только идущий по встречке фургон дёрнулся влево-вправо, а затем его бросило через разделительную полосу земли на randevu с моим джипом.

Я дёрнул руль, уходя от лобового столкновения, в расчёте пропустить неуправляемый грузовик справа от «мерса». Краем глаза отметил перекошенную физиономию водилы-камикадзе, с утра пораньше бросившегося на встречный таран. Успел увидеть, как водитель лихорадочно крутил руль своего фургона, пытаясь удержать машину на трассе и не оказаться в придорожном кювете.

– Дол...б, дятел (цензура), мудака!!! – скороговоркой выпалил Михаил, адресуя и уточняя, что и как надо сделать с незадачливым водилой. Очень познавательно в сексуальном плане, доложу я вам. – Вовка, «КамАЗ», (цензура)!

– Вижу, – сквозь зубы процедил я, выкрутив руль в обратную сторону. Сделав красивый «полицейский занос», джип на секунду замер на встречке.

Я резко, с визгом покрышек рванул «мерс» с места, чтобы не попасть под удар сближающегося с нами «КамАЗа». Впрочем, водитель этого большегруза оказался хладнокровным профессионалом: имея фору по дистанции, не стал паниковать, метаться по трассе, а плавно и без заноса затормозил, остановив машину в метрах в десяти от нас.

– Вовка!!! Да, что с тобой!? Ответь, чёрт возьми! Надо дать (цензура) этому остолопу! – отстегнув ремень безопасности и отворив дверцу, Мишка наконец-то обратил внимание на меня. – Ты живой!?

– Я-то – да, а вот насчёт водилы с той фуры – не уверен, – мотнув головой, произнёс я. – Той, что шла впереди нас, Миша.

– Владимир Иванович, с вами всё в порядке? – взвизгнули тормоза «бэхи», к нам уже бежал Костя Григорьев, самый молодой опер в моём отделе. – Никто не ранен?

– У нас всё в порядке, Костян, – заверил я лейтенанта, найдя в себе силы вылезти наконец-то из джипа. – Влад, Сашка, Руслан, не бейте водилу!

Следовало немедленно остановить экзекуцию над усатым и седоватым мужиком – водителем того самого фургона-камикадзе. Едва остановившись, капитаны Зеленцов и Барулин с «калашами» наперевес бросились к стоящему поперёк шоссе грузовику. Явно не для того, чтобы провести раздачу пряников и других первомайских подарков. Блин горелый, они же не видели ни рожу нечаянного камикадзе, ни исчезновение фуры.

Руслан Руденко присоединился к коллегам, пулей выскочив из джипа, также не забыв прихватить с собой автомат. Положа руку на сердце, я понимаю своих оперов: какой-то псих прямо на их глазах едва не угробил коллег во главе с самым начальником СКП. Подобное, если подумать с применением ментовской и прокурорской паранойи, тянет на очень-очень большой срок. Налицо покушение на сотрудников при исполнении, а то и вовсе международный терроризм...

– Володь, у водилы приступ! Сердечный, что ли, похоже очень, – отозвался капитан Зеленцов. – Мужик, эй, ты как, слышишь меня? Мужик, ответь мне!

Всё-таки я плохо подумал о намерениях своих парней. Влад с Русланом вытащили из кабины дышащего ртом и хватающегося за сердце водилу, уложили того на обочине, рядом с его фургоном. Затем... Только сейчас я обратил внимание, что асфальт слегка подрагивает, словно при землетрясении. До этого момента всё внимание приковывала туманная дымка, затягивавшая и шоссе и его окрестности. Стоял полный штиль, как говорят моряки, не чувствовалось даже намёка на какое-то дуновение ветра. Со стороны Данилово донёсся негромкий и прерывистый колокольный звон, ничуть не похожий на мелодию колоколов во время церковных праздников.

– Владимир Иванович, а что происходит? – Толик Новичонков очумело вертел головой, похоже, ничего не соображая спросонья. Рука оперативника нервно теребила рукоятку табельного ПМа в наплечной кобуре, пока старшин лейтенант оглядывался по сторонам в поисках потенциальной угрозы.

– Землетрясение у нас, вот что происходит, – ответил вместо меня Михаил, успевший осмотреться на все 360 градусов. – Я видел ролик в сети с точь-в-точь таким же ритмом колокольного звона. В Испании дело было, или в Италии... Володь, ты куда?

– Миша, садись-ка в машину, – ответил я, поворачиваясь к возившимся у фургона парням. – Руслан, иди сюда, быстрее! Влад, Саша, вы остаётесь с водилой! Костя, ты иди, проверь тот «КамАЗ».

– Володя, в чём дело? – в голосе моего напарника зазвучала плохо скрываемая тревога.

– Толик, ты тоже останься, присмотри за молодым, – я кивнул головой в сторону лейтенанта Григорьева, шагнувшего к открытой дверце кабины рефрижератора. Водила ничем не приметного «КамАЗа» почему-то внушал мне определённый интерес: уж больно хладнокровен был этот мужик в минуту опасности.

– Принято, командир, – по-армейски коротко отозвался Новичонков, направляясь к спрыгнувшему на асфальт водителю рефрижератора.

– Миша, тут такое дело: идущая впереди нас фура исчезла, словно провалилась сквозь землю, – захлопнув дверцу, я дал газ, развернув джип в нужном направлении. – Я это в зеркало собственными глазами видел. А потом началось это... Туман и прочее...

– Ну, землетрясения иногда случаются даже в европейской части России, – пожал плечами Ковалёв. – Может, и туман возник из-за подземных толчков.

– Всё может быть, – ответил я, вглядываясь в проступающий сквозь пелену тумана ландшафт. – Только вот Ладога совсем в другой стороне будет.

Мы миновали полосу дрейфующего над асфальтом тумана, и нашим взорам открылся весьма любопытный ландшафт. Моё сердце на мгновение сжалось, предчувствуя нехорошее, а мозг пронзила гадкая до омерзения мысль: влипли, чёрт подери, влипли серьёзно и не по-детски!

– Тормози! – воскликнул напарник, мгновенно теряя остатки своего хвалёного хладнокровия. – Ё-моё, здесь не должно быть никакого леса! Это вообще не наш лес!!!

– Вон, она, та фура, – глухим голосом произнёс Руслан, указав на слетевший с невысокого обрыва тягач. – Не уверен, что там кто-нибудь остался жив после такого удара.

– Ни фиги себе, – выдавил я из себя, вылезая из джипа. – Где мы?

Вопрос повис в воздухе, вместе с туманной дымкой, поднимавшейся из впередилежащего редколесья. Дорога, вполне добротное по российским меркам четырёхрядное шоссе резко обрывалось в прямом смысле этого слова, упираясь в небольшой лесок. Если быть совсем точным, ломаная кромка дорожной подушки слегка возвышалась на метра полтора-два над здешней лесной почвой.

Но самым убойным фактором был вовсе не невесть откуда возникший впереди нас лес, а хорошо просматривающееся сквозь него открытое водное пространство. Туман слегка скрадывал расстояние, но всё равно до воды было не более ста – ста пятидесяти метров. Сквозь скрип древесины до нас доносился легкий шелест волн, который ни с чем не спутаешь. Исчезли, словно их никогда и не было, и заправка «Лукойла», и придорожная забегаловка рядом с нею, по какому-то недоразумению именуемая ресторанчиком.

– Пошли к фуре, – хриплым голосом произнёс я, доставая из наплечной кобуры табельный «Макаров». – Руслан, ты прикрываешь... Хрен знает, что за людишки здесь могут водиться.

Спрыгнув вниз с полутораметрового обрывчика, я вновь ощутил под ногами лёгкое колебание земли. Остановился, осмотрелся по сторонам, держа ствол наготове. Да, Михаил не ошибся – это не наш лес, не российский. Хотя я и не специалист по флоре, но берёзы с осинами отличу от сосны и ели. А здесь, прямо перед нами, росли абсолютно незнакомые мне деревья. Зеленеющая трава, похоже, тоже не наша. А вот мох – мох похож на самого себя, такой же пушистый и мягкий.

– Володь, обрати-ка внимание: здесь тихо, очень тихо, – озираясь по сторонам, прошептал Ковалёв. – Эта тишина не к добру.

– Миша, ты чего шепчешься-то? – повернувшись к напарнику, удивился я. – Здесь нет никого в округе на добрых полкилометра. Фура, когда врезалась в это дерево, грохотнула так, что отсюда чесанули все звери. Сверкая пятками и шевеля копытами, лишь бы подальше и поскорее.

– Володь, ну, не спец я по лесной живности, – секунду подумав над доводами логики, уже нормальным голосом произнёс капитан. – Я – сугубо городской житель, и на природу выбираюсь лишь на шашлычки да на фуршеты.

– Идём, глянем на то и другое в одном флаконе, – несколько цинично отозвался я, в силу профессии понимая, что в лепёшку разбитой кабине грузовика не уцелел бы даже хомяк.

Так оно и оказалось. Шедшая по шоссе под сотку кэмэ фура слетела вниз, как с трамплина, словно танк снеся приличное по охвату дерево. Затем сработала сила инерции, и полу-

прицеп накрыл своей массой остатки тягача, завалившись набок и в сторону рядом с рухнувшим лесным великаном. То, что осталось от кабины, представляло собой ком перекрученного железа, пахнущего соляжкой и свежей кровью. Соляра вытекла из разбитых баков машины, образовав в небольшом углублении почвы вонючую лужицу. В эту же лужицу впадал тонкий ручеек крови, берущий начало откуда-то из того, что ещё совсем недавно было кабиной.

– Да, посмотрелся я в своё время подобного, – вздохнул я, мигом вспомнив границу и Таджикистан. – Думал, что больше никогда не увижу.

– Мгновенная смерть. Удар был такой силы, что кабину просто сплющило и спрессовало за одну секунду, – подытожил Ковалёв, осмотрев профессиональным оперским взором место трагедии. – Без спасателей никак не определить, сколько человек погибло – один или двое. Груз разбросало... Поддоны с продуктами, похоже.

– Угу, макароны, крупа, консервы, – кивнул я, мельком оглядев содержимое распотрошённого прицепа. – Миш, пошли отсюда.

– Володь, а к морю сходить? – искренне удивился Михаил. – Мне вот до сих пор не верится, что это не сон. Сейчас, думаю, проснусь, и снова увижу солнце, шоссе, тебя за рулём, ухмыляющегося...

– Кхм... Ну ладно, пошли, сходим, – хотя я чуть было, не охренел от предложения своего напарника, но виду не подал. Хотелось, конечно, заорать, матюкнуться, долбануть кулаком по стволу... чего-то похожего на сосну-переросток, но я не стал этого делать. Криком делу не поможешь. – Руслан, спускайся сюда, вниз!

– Ну, и дураки же мы, – мой напарник неожиданно хлопнул себя по лбу, доставая из кармана сотовый. – Так, связи нема...

Я чертыхнулся, признавая правоту Ковалёва, вытащил из кармана один из моих мобильных, нахмурился, глянув на экран «нокии». Телефон не находил сигнала сотовой связи. Понимая, что хватаюсь за соломинку, проверил оба «нулевых» «самсунга». Всё тот же отрицательный результат. Повторив аналогичными манипуляциями со своими «секретными» аппаратами, Михаил выразительно посмотрел на меня, отрицательно покачав головой.

– Руслан, проверь-ка свой сотовый, – попросил я подошедшего к нам капитана Руденко.

– Уже проверял, Володя, – во взгляде Руслана промелькнула некоторая растерянность. – Связи нет.

– А рации проверяли? – вдруг спросил Ковалёв. – У нас же по паре раций в каждой машине. Я сам их вам раздавал.

– Эээ... Рации остались в джипе, – помедлив, мотнул головой Руденко. – Сходить?

– Не надо, я сам, – нахмурился мой напарник. – А вы лучше смотрите по сторонам, чтобы не проворонить зверушек из здешнего леса.

– Володя, а где мы? – подождав, пока Михаил отойдёт, поинтересовался Руслан. – Где мы находимся? Что вообще произошло?

– Блин горелый, Рус, не грузи себе мозг сверхтяжёлыми вопросами, – оглядываясь по сторонам, произнёс я. – Давай будем решать проблемы по мере их поступления. Сейчас сходим к морю, к озеру, к воде, в общем, а там – увидим, что дальше делать.

– Хорошо, Володя, не буду больше, – капитан пожал плечами, поудобнее перехватив автомат, и замер, внимательно наблюдая за окрестностями. Ну, вот, неужели обиделся?

Спустя три минуты мой напарник вернулся, принесёв обе рации и пару бронежилетов. Пока мы с Руденко облачались в кевлар, Ковалёв вызвал по рации группу Зеленцова и Барулина. На удивление, ребята отозвались почти мгновенно, доложив о происходящем на шоссе. Судя по всему, опера взяли ситуацию под свой контроль, остановив движение в сторону обрыва. Ну, и хорошо, пусть никто больше не повторит судьбу бедолаги с этой злополучной фуры. Попытка вызвать «скорую» для водилы фургона не удалась – как я и предполагал, сотовая связь приказала долго жить.

– Ну, готовы? – свой бронежилет Михаил натянул ещё возле джипа и сейчас нетерпеливо топтался рядом.

– Угу. Не торопясь, цепью, Руслан посередине и позади нас на два-три шага, – я быстро определил порядок движения. – Смотреть в оба, не болтать. Лес шума не любит.

Вообще-то термин «лес» мало подходил к сотне метров редколесья, но я решил перестраховаться. Мало ли что, а бережёного и бог бережёт. Беря на прицел все подозрительные тени, готовые немедленно стрелять в кого угодно, мы крались по мягкой земле. Предосторожности оказались излишними: никто и ничто не потревожил нас, и мы благополучно вышли на обширный песчаный пляж. Да, водный простор оказался морем – это быстро определилось по вкусу самой воды.

...Евпатий-Коловратий, это куда же нас занесло? Где у нас есть подобные пляжи, с таким красивым белым песком? – подумал я, навскидку оценив ширину пляжа метров в пятьдесят. И никого на пляже – ни людей, ни птиц, не видно даже ничьих следов. А море... Море очень красивого цвета, ярко-голубое, как на рекламных проспектах Таити и прочих Туамоту. Это точно не Балтика, не Север и не Крым...

– Значит, так, мы торчим на побережье какого-то тёплого моря, – поглазев с минуту на лёгкий прибой, неожиданно выдал Руслан. – Вы в курсе, что я служил срочную в морской пехоте, ходил в Средиземку, в Индийский океан, когда там ещё не бузили сомалийские пираты. Про Балтику и Атлантику вообще молчу... Парни, это стопудово тропическое море.

– Блин горелый, бинокль бы, – выслушав Руденко, я повертел головой, взгляделся в поднимающуюся над пляжем туманную дымку. – Видимость метров семьсот-восемьсот навскидку, точнее не скажу... Парни, слева берег вроде тянется далеко-далеко, а вот справа – непонятно. Не могу рассмотреть.

– Погоди-ка, Володя, одну минутку, – Ковалёв присел и что-то подобрал на песке. – Это янтарь, или мне кажется? Если янтарь, то здесь его полно... Может, мы всё же в Калининградской области, а?

– Да, это янтарь, – покрутив камешек в руке, подтвердил Руслан. – Крупный янтарь, такой – очень большая редкость.

Я тоже подобрал кусочек прозрачной окаменелой смолы, потом второй, третий, присел у кромки прибоя, где вода перекачивала целые россыпи янтаря. Никому не нужного янтаря. На Балтике такое изобилие встречается только после сильных штормов. С другой стороны, на пляже нет ничего, что бы указывало на присутствие цивилизации: ни кусочка мусора, ни осколков стекла, ни пластиковых бутылок. Лишь многочисленные россыпи янтаря и сухие водоросли, местами выброшенные на берег.

– Кто-нибудь в курсе – есть ли в тропиках янтарь? – повернулся я к подчинённым.

– Читал, что в Карибском море имеются вполне приличные запасы, – пожал плечами капитан. – Сам не видел: когда служил, мы не ходили дальше Канар.

– Пошли, парни, обратно. Надо пройтись вдоль границы обрыва, ну, того разлома земли, с которого рухнула фура, – мой напарник бесцеремонно отвлёк нас от обсуждения мировых запасов янтаря.

– Идём, Миша, уже идём, – я вновь осмотрелся вокруг. – Порядок движения тот же. Не расслабляться, не торопиться.

Возвращаясь обратно к дороге, мы с куда большим интересом рассматривали деревья, зелёную траву, мох.

На глаза попала пара-тройка видов жучков, снующих по стеблям растений. Увы, ни один из нас не являлся спецом по насекомым, поэтому данные «улики» пропали даром. Пару раз мне показалось, что в кронах деревьев прячутся белки, что ли, но данное подозрение так и осталось неподтверждённым.

Уже на подходе к джипу мы обратили внимание, что туман начинает рассеиваться. Точнее, постепенно поднимается вверх, тая в воздухе. К сожалению, туман исчезал слишком медленно, и визуального контакта с группой Зеленцова и Барулина всё ещё не было. Мы вновь связались по рации с парнями, уточнив обстановку на месте несостоявшегося тарана.

Доклад Владислава особого оптимизма не внушил – мобильная связь по-прежнему не работала, а толпившийся у импровизированного КПП народ задавал слишком много сложных вопросов. Ну да, дачники и дальнобойщики хотели знать, что происходит и когда это закончится. А что им отвечать, если ни Зеленцов со товарищи, ни мы так толком, ни фига и не знаем? Вот и насочиняли мои опера про теракт, про аварию на трассе и т. д. Им и невдомёк, что я бы уже всё на свете отдал за теракт с аварией. Ибо чуяло моё сердце, что мы влипли в офигеннейшие неприятности.

– Ну, что, поступим, как настоящие мужчины – пойдём налево, – сунув рацию в карман и покрутив головой, решил я.

– Налево? Налево от чего? – поинтересовался Ковалёв.

– Налево от направления нашего движения в данный момент, – уточнил я. – Вон в ту сторону, в общем. Порядок движения не меняем.

Видимость постепенно улучшалась, и мы уже не целились в каждое подозрительное дерево. Свернув налево, пошли вдоль обрывчика, образовавшегося в результате неведомого катаклизма. По «нашей», российской, земной стороне обрывчика. Катаклизм не пощадил ни наш, ни тот лес, несколькими рухнувшими деревьями резко обозначив границу между ландшафтами. Причём все деревья легли на «не нашу» сторону.

Вдоль этой границы мы шли минут пятнадцать, постоянно отмечая резкие различия между природой «тут» и «там». «Тут» – свои, русские, кусты и берёзы, «там» – незнакомые деревья, хоть и похожие на сосну, но какие-то не такие. Мысленно обозвав их «соснами», оглянулся назад, в сторону дороги. Стоп.

– Парни, а вам не кажется, что мы идём не совсем по-прямой? – нарушил я общее молчание. – Оглянитесь, посмотрите назад. Чувствуете, что мы идём, чуть-чуть забирая в сторону, вправо?

– Хм... Вот и мне показалось, что разлом идёт как-то дугой, почти незаметной для глаза, – согласился со мной Михаил. – Володь, что бы это значило?

– Пока не знаю, – пожал я плечами. – Пошли дальше.

Дальнейший поход «налево» вдоль границы обрывчика лишь подтвердил моё предположение, что разлом идёт гигантской дугой, огибая дорогу и часть «нашей» территории. Пройдя ещё, наверное, метров двести, мы так и не увидели в округе ничего стоящего. Обыкновенное придорожное поле, кустарник, небольшая берёзовая роща на «нашей» стороне, «сосновое» редколесье и чужой кустарник по другую сторону границы.

«У нас» – типичная для конца апреля нежная зелень, а «там» – сочная, тёмного цвета трава. Поначалу очень хорошо просматривалось и море, а потом его заслонила стена сплошного леса. На основании увиденного возникло подозрение, что климатические зоны или времена года двух миров немного отличаются друг от друга.

...Двух миров!!! – эта мысль, образно говоря, произвела в моей голове эффект разорвавшейся бомбы. – Надо смотреть правде в глаза: там, за обрывом – не наш мир! Что-то произошло, и мы угодили... Куда, чёрт возьми, мы угодили? Или в наш мир угодило?

– Стоп, пошли-ка, мужики, обратно, – произнёс я, не узнавая своего собственного хриплого голоса. – Заодно и поговорим обо всём этом.

Вопреки некоторым опасениям, ни мой напарник, ни Руслан не оспорили мою версию, что мы угодили в хрензнаеткакоймир. Хотя ещё час назад данное предположение показалось бы операм полнейшим бредом начитавшегося книжек ботаника. Увы, вполне материальные

факты в виде гор янтаря и прочего упрямо указывали на реальность происходящего, а улучшающаяся видимость всё больше подтверждала мою гипотезу.

Туман капитулировал и почти полностью рассеялся, когда мы уже были возле моего «мерса». Вновь оглянувшись в сторону моря – оно и не думало исчезать, – мы помахали ручками группе Зеленцова, сели в джип и спустя минуту подрулили к стоящим поперёк дороги фургону и рефрижератору. Нам предстоял достаточно сложный разговор с нашими же товарищами.

У импровизированного КПП собралась целая очередь из легковушек и грузовиков. Глазая на пару важно расхаживающих автоматчиков в чёрной форме «а-ля спецназ», народ не борзел и не лез напролом. Сказали, что теракт и авария, значит – теракт и авария. Менты сами разберутся, не маленькие. Глядишь, вскорости понаедут высокие чины МВД, ФСБ, представители администрации пожалуют. Возникли, конечно, слухи и сплетни, кто-то не выдержал и развернул свой «опель» назад, в сторону Питера. В остальном людей пугало лишь отсутствие мобильной связи и едва заметная нервозность товарищей полицейских.

Не говоря лишнего, я отобрал у опешившего водителя рефрижератора ключи от его «КамАЗа» и пообещал подсунуть в машину кило героина, если он воспользуется запасными и двинется с места. Затем сунул в карман куртки ключи от фургона, которые Владислав ранее конфисковал у несостоявшегося камикадзе. Тому, кстати, заметно полегчало после принятых капель, которые нашлись в его же машине. Положа руку на сердце, хорошо бы было вызвать «скорую», но связь... Хорошо, что среди дачников нашлись две сердобольные дамы среднего возраста, которые сейчас хлопотали возле пострадавшего.

– Влад, Саша, Толик, Костя, давайте-ка быстро в машину и за нами, – сухим, начальственным тоном приказал я. – Всё объясню на месте.

Если мои опера и удивились, то виду не подали. Быстро и дружно сели в «бэу» и поспешили следом за мною. Минуту спустя притормозили у резко обрывающейся дороги, подошли к уже развёрнутому джипу. Эмоционально высказались, глядя на открывшийся взору ландшафт, поинтересовались, не уцелел ли водитель вдребезги разбитой фуры. И внимательно выслушали меня, когда я коротко рассказал о походе к морю и о вероятности нашего нахождения в другом мире. Судя по глазам офицеров, мне не особо верили, но... вон, чужая земля в пятнадцати метрах. Как тут не верить?

– ...Такие, вот, пироги с котятками, парни, – закончил я пятиминутный рассказ. – Если есть желание, то мы можем сходить к морю, окунуться, поплескаться в водичке. Думаю, не хуже, чем на Балтике будет.

– Володя, ты верно заметил, что имеются два варианта – либо наш мир угодил куда-то, либо – иной мир угодил к нам, – взял слово всегда дотошный и рассудительный капитан Барулин. – Следовательно, нам надо как можно быстрее вернуться в Питер и посмотреть, что там происходит. А уже потом решим, что и как.

– Согласен с Сашкой, надо возвращаться обратно в Питер, – заговорил до того молчавший Ковалёв. – Но сначала следует заехать в Данилово, чтобы проверить проводную связь и электричество.

– Да, с электричеством, похоже, полный бардак будет, – посмотрев на рухнувший столб высоковольтной линии, произнёс Руслан.

– Товарищ майор, а вы не рассматривали версию пересечения двух миров – нашего и чужого? – неожиданно спросил Костя Григорьев. – Ну, как у писателя-фантаста Андрея Круза в его книге?

– Нет, товарищ лейтенант, мы не рассматривали подобной версии, – вместо меня неожиданно ответил мой напарник. – Мы не рассматривали и другие версии, описанные в книгах писателей-фантастов. Нам просто было не до подобных версий.

– Остынь, Миша, – как можно мягче обратился я к Ковалёву, очень удивлённый его реакцией. – Мы сейчас все на взводе, поэтому надо убирать нервы в коробочку... Нет, Костя, мы не думали о многослойном пересечении миров.

– Всё, поехали, нечего о разной фигне спорить, – Владислав уже сел за руль своей «бэхи». – Костян, залазь. Володь, мы впереди.

– Миш, ну, ты чего на молодого наехал? – сев за руль «мерса», я сразу же повернулся к напарнику. – Что произошло, а?

– Вовка, у меня жена, двое детей и старики-родители. А ещё сестра со своими чадами, – Михаил, похоже, потихоньку впадал в паническое состояние. – Как подумаю, что они там без меня, а я тут... Ажно мозги закипают.

– Так, отставить думать о плохом, паниковать запрещаю, – я постарался придать своему голосу как можно больше уверенности. – Всё будет хорошо, мы обязательно выберемся. Всегда выбирались, и на сей раз сумеем.

Увидев в зеркале кривую ухмылку Руденко, мол, заливай, заливай, начальник, сделал страшные глаза и беззвучно зашевелил губами. Руслан усмехнулся ещё раз, коротко кивнул, дав понять, что не станет подливать масла в огонь.

...Евпатий-Коловратий, почти у всех у нас семьи, дети, подруги, родители, прочие родственники, – мои мысли и не думали следовать собственному приказу. Что будет с ними без нас? Где они вообще находятся, в каком мире? А как мы без них? Это полный, доложу я вам, полярный лис...

Проезжая мимо рефрижератора, я тормознул, подозвал водилу «КамАЗа», отдал ему ключи, и уточнил, что пошутил про героин. Нету у меня героина. Заодно попросил мужика отдать ключи и водителю фургона, рядом с которым по-прежнему оставались всё те же две дамочки возрастом чуть за сорок. Одна, брюнетка в очках, посмотрела на меня, словно обожгла: типа, совсем менты совесть потеряли, бросают больных посреди дороги, а сами дают дёру куда подальше. А что ещё делать, если «скорой» нет, связи нет, и ничем, кроме валидола и коньяка, мы помочь не можем? Сердце – это серьёзно, и аптечкой первой помощи его не излечишь.

...Полтора километра по прямой мы пронеслись считай мгновенно, благо дорога была полностью пустая. Легли в поворот, пытаюсь догнать Зеленцова на его «бэхе», и сразу же пришлось тормозить. Впереди нас стояли четыре машины – три легковушки и фура, запаркованные возле очередного разлома местности.

Среди легковушек затесался и «опелёк», который развернулся обратно, чтобы найти объездной путь. Народ, в количестве восьми человек, топтался у обрыва, о чём-то яростно споря и жестикулируя.

– Так, граждане, что за шум, а драки нет? – Зеленцов подъехал первым, и Саша Барулин уже выбрался из машины, помахивая удостоверением, словно веером. – Полиция, граждане. На что любимся?

– Как на что, товарищ полицейский? Вы только посмотрите, что это деется, – сразу же зачастила невысокая тётка неопределённого возраста, где-то около пятидесяти с гаком, что ли. – Дорога исчезла, обрыв высокий, откуда-то лес взялся, а слева вообще озеро просматривается. Мы с Митей почти тридцать лет по этой дороге ездим, никогда такого здесь не было...

Решив, что перебивать даму себе дороже, Барулин подошёл к краю обрыва, глянул на лес, махнул нам рукой. Народ молча расступился, пропуская ментов, тараторившая тётка умолкла, получив тычок локтем от мужа. Люди смотрели на нас, явно надеясь на помощь и защиту от представителей власти. Нам бы самим кто-нибудь взял да помог!

– Метра три-четыре будет, – прикинув высоту обрыва, произнёс Владислав. – Лес красивый, густой, не чета предыдущему. Зверьё должно здесь водиться, грибы, ягоды.

– Море видать, – отметил Руденко. – Когда ехали, с дороги оно не просматривалось. Надо бы осмотреть местность с какой-то высокой точки.

– Стоп. Что ты сказал, Руслан? С высокой точки? – у меня в мозгу промелькнула одна догадка. – Парни, быстро по машинам! Едем в Данилово, там церковь имеется, и колокольня при ней.

– Точно! Молодчик ты, Вовка. Как же я сам не догадался? – мой напарник первым припустил к джипу.

– Эмоции, Миша, нервы, накручиваешь себя, – отозвался я, уже понимая, что Ковалёв хватается за последнюю соломинку.

Не обращая внимания на вновь сыпанувшую вопросами тётку, мы сели в машины, развернулись, и помчались обратно, к повороту на Данилово. Навстречу попался «КамАЗ»-рефрижератор, промелькнуло каменное лицо его водителя. Ладно, никуда он не уедет, похоже, вновь скоро встретимся.

Повернув на Данилово, снизили скорость, чтобы не поймать шальную яму, и вскоре проехали мимо первого деревенского дома. Въехали на центральную улицу, притормозили, огляделись, прикинув путь до возвышавшейся над окраиной церкви. Несмотря на ранний час, деревенский народ уже проснулся, высыпал на улицу, бабки кучковались группами возле домов. Впрочем, в деревнях всегда рано встают.

Мы не стали задерживаться и рванули в сторону храма. Немного покружили между домами, а затем остановились прямо возле крыльца церкви. Дружно вылезли из машин, прикладами и кулаками застучали в створки дверей. Со стороны, наверное, это смотрелось дико, но уж очень нам нужен был здешний смотрящий за прихожанами, чтобы попасть наверх.

Не прошло и минуты, как появился настоятель храма, или как там, его ещё называют. Открылась створка ворот, и к нам вышел бородатый мужик в чёрной рясе, с чёрной шапочкой на голове, один, с пустыми руками. Впечатление такое, словно он ждал нас.

– Отец Серафим, – представился он, глядя на нас спокойными голубыми глазами. – Чем могу быть полезен в столь ранний час?

– Начальник криминальной полиции майор Иванников, энское УВД, из Питера, – ответил я, сунув попу «корочки» под самый нос. – Отец Серафим, нам очень нужно срочно попасть на колокольню. Будьте добры, проведите нас туда.

– Что же, господа полицейские, следуйте за мной, – настоятель, похоже, нисколько не удивился моей просьбе, повернулся, исчезнув в дверях. Я шагнул следом, и вскоре, попетляв по внутренним помещениям церкви, мы стали подниматься на колокольню. Винтовая лестница быстро привела нас наверх площадки, где находился колокол. Я остановился рядом с отцом Серафимом, осмотрелся вокруг. Туман практически полностью рассеялся, открыв нашему взору незабываемое зрелище. Я замер, с жадным любопытством вглядываясь в «свой» и «чужой» ландшафты.

– Охренеть, – хриплым голосом произнёс кто-то за моей спиной.

– Красиво, – отозвался Руслан Руденко.

– Боже мой, этого не может быть, – полным отчаяния голосом прошептал Миша Ковалёв.

– Хорошо, что вы вспомнили о Боге, – сказал отец Серафим. – То, что произошло – и есть воля Божья.

– А что произошло? – я повернулся к священнику. – Вы что-то об этом знаете?

В ответ настоятель зарядил длинный монолог, состоящий из цитат иудейских пророков о конце света, спасении избранных и т. д., и т. п. Я решил не дожидаться начала описания жития остальных библейских персонажей, искренне поблагодарил настоятеля за помощь, и стал спускаться вниз. Парни помедлили, немного полюбовались природой, но все как один последовали за мной. Нашли меня, уже расстелившего карту Ленобласти на капоте джипа, с карандашом в руке.

– ...Итак, мы имеем Данилово и кусок трассы, граничащие с неизвестным нам морем, – я провёл дугу южнее от посёлка. – Дорогу обрезаю с двух концов, с колокольни виден лесистый мыс, выступающий в море, а севернее посёлка ландшафт несколько не изменился... Километров на пять с гарантией, а то и более... На западе и востоке, похоже, произошли перемены, вопрос, насколько масштабные...

– Кхм... Володя, ты бы не занимался рисованием, – стоя за моей спиной, произнёс капитан Зеленцов. – Сашка с Русланом уже пересняли всю округу на свои айфоны. С колокольни снимали с высоким качеством.

– Молодцы, не теряли времени даром, – обернулся я к своим парням. – А теперь прикиньте, если у вас батареи сядут, в ваших айфонах, что будет дальше?

– От аккумулятора «бэхи» зарядим, – хмыкнув, пожал плечами Барулин. – Соляры почти полный бак.

– Это хорошо, что почти полный бак. Соляра нам сейчас, как на вес серебра будет, – улыбнулся я, складывая карту и пряча её за пазуху. – А вот если соляра закончится, то в конечном итоге мы останемся без айфонов. Придётся по старинке рисовать пейзажи и чертить карты.

– Ладно, Володя, мы все тебя хорошо поняли, – улыбнулся Владислав. – Давай, шеф, командуй. Что, куда, кого?

– Дело, как мне видится, следующее: случился (цензура) катаклизм, в результате чего часть нашего мира с посёлком Данилово оказалась чёрт знает где, – вешая преамбулу, я заглянул в глаза каждому из моих парней. Страх не увидел, лишь загнанное внутрь отчаяние в глазах Мишки. У остальных просматривался скрытый азарт и охота к приключениям. Настоящие мужики, не зря я подбирал к себе в отдел именно таких, готовых идти хоть к чёрту на рога.

– Осмотр местности с колокольни показал, что севернее Данилово простирается наш, российский, земной ландшафт. Насколько далеко – пока неизвестно, – продолжил я. – Скорее всего, мы являемся единственными представителями законной власти в данном регионе, причём имеющими определённый вес.

– Володь, в Данилово есть свой участковый, да и у мужиков, вероятно, имеется кое-какое оружие, – вступил в разговор Ковалёв. – Кроме того, здесь проживает известный в определённых кругах криминальный авторитет по кличке «Ерёма Безбашенный», он же Еремеев Николай Павлович.

– Всё верно, Миша, в посёлке имеется и участковый, и у мужиков, наверное, найдутся «берданки», – улыбнувшись, кивнул я. – Кроме того, и у Ерёмы должен быть припрятан вполне приличный по провинциальным меркам арсенал.

– Оперативная информация? – Зеленцов прям весь напрягся, словно охотник, почуявший поблизости дичь.

– Нет, это моя твёрдая уверенность, а не стук «барабанов», – ответил я. – Парни, мы сейчас должны нанести свой первый визит не в администрацию, а к товарищу Еремееву. Причём, не как его заклятые враги, а как... гости, скажем. Так надо, я потом всё объясню.

– Ну, ты и скажешь иногда, Иваныч, что хоть стой, хоть падай. В гости, блин, – фыркнул капитан Барулин. – Не знал бы я тебя много лет, то подумал бы, что ты на короткой ноге с Ерёмой. Так он и пустил тебя в гости.

– Ты почти угадал, Саша, я знаком с Еремеевым, и очень даже хорошо знаком, – грустно улыбнулся я. – Когда-то мы с Колькой сидели в одном окопе, а на нас пёрли духи, прорываясь через границу на помощь другим таким же «чебурекам». А до этого мы с Николаем жрали кашу из одного котелка, пили из одной фляжки... Поэтому Ерёма пустит меня в гости.

У церкви воцарилась тишина, нарушаемая лишь лаем собак и шумом тракторного мотора на ближайшей улице. Шесть пар глаз разглядывали мою персону, словно впервые меня видели, и сейчас оценивают, что с сим фруктом делать. Ну, я же не виноват, что всё сказанное мною – чистая правда! И в том последнем бою я вынес раненого сержанта Еремеева на своём горбу,

матерясь во весь голос, но не бросил его ТАМ. И уж тем более я не в ответе за то, что вышедший из госпиталя сержант со временем стал весьма авторитетным человеком в бандитских кругах.

– Чего уставились, товарищи офицеры? У каждого человека есть то, о чём никогда и никому не рассказывают. По разным причинам, – я бесцеремонно нарушил всеобщее молчание. – Поэтому слушай мою команду: отставить маскарад, вскрыть НАШ запас, вооружиться нормально.

– Не, Володя, с тобою всё-таки не соскучишься, – минуту спустя покачал головой Руслан, запихивая магазин в разгрузку. – Ты был знаком с Ерёмой и до сих пор молчал об этом.

– И молчал бы дальше, Рус, если бы не обстоятельства, – я сунул потёртый ТТ в нейлоновую кобуру на бедре. – Впрочем, в одном ты прав – со мною не соскучишься. Особенно, когда мы оказались чёрте где и чёрте когда.

...А вы что думали: опера ехали себе куда-то по службе? Задерживать подозреваемого в преступлении? Ранним утром первого мая? Нет, граждане, мы ехали по иным делам, чтобы решать проблемы среднего по российским меркам бизнеса. Решать окончательно, если конкурирующая сторона не согласилась бы на наши предложения. Это – жизнь, реальность, о победе над которой хоть и снимают сериалы, но которую фиг победишь. Потому что рыба гниёт с головы. А дальше сами догадывайтесь, где та голова, ибо это уже политика...

Мы быстро перевооружились на нормальные, длинноствольные «калаши» из «левого» НЗ, распахали по ячейкам разгрузки запасные магазины, добавили к основному оружию ещё и «левые» пистолеты. «Правые» «укороты» скинули в багажники, табельные ПМы оставили в кобурах подмышкой. Затем сели в машины и вновь выехали на главную деревенскую улицу.

Ага, народ с шоссе постепенно отошёл от шока и стал подтягиваться в посёлок. Мимо проехал давешний «опель», а в просвете между деревьями мелькнул рефрижератор на подъездной дороге. Ну, ладно, нам на сей раз направо.

Николай Павлович Еремеев – а именно так, по имени-отчеству и очень уважительно называли его в Данилово – проживал в личном особняке в полукилометре от самого посёлка. К его дому от центральной улицы села шла неширокая дорога с отличным асфальтовым покрытием. Гладкая и ровная, без ям и ухабов, ездить по такой – одно удовольствие.

Мы, не таясь, подъехали прямо к въездным воротам, вышли из машин, оглядели трёхметровый бетонный забор, видеокамеры на всех углах. Да, неплохо устроился бывший сержант-пограничник, сделавший себе карьеру и имя в криминальном мире. Имея такой замок, можно жить, и жить припеваючи. Охрана, поди, нас уже давно срисовала, всполошилась, не зная, что делать. Мы сейчас больше на частный спецназ смахиваем, в бронниках, в «сферах», с автоматами, правда, без масок на лицах.

Отдав автомат Михаилу, я провёл быстрый инструктаж, приказал парням, чтобы те рассредоточились и не отвечивали. Затем не спеша подошёл к массивной калитке рядом с воротами и нажал на кнопку переговорного устройства. По идее, где-то здесь должна была быть скрытая камера, и я не сомневался, что за мной сейчас наблюдает пара-тройка рыл с сомнительным послужным списком. Ладно, поиграем по чужим правилам.

– Чего надо? – вопреки моим ожиданиям, охранник появился самолично, почему-то не став вести переговоры по домофону. А вот манеры у секьюрити, увы, не из лучших – даже не поздоровался, морда такая. Хорошо ещё, что не направил на меня «помпу», что держал в руках стволом вниз.

– Вот что, любезный, доложи-ка, пожалуйста, господину Еремееву, что его хочет увидеть его армейский товарищ, имевший на службе позывной «Финн», – чётко и с расстановкой произнёс я. – Запомнишь, или тебе лучше записать на бумажке?

– Запомню. Ждите, – нахмурив лоб, охранник бросил опасливый взгляд на моих ребят и исчез, захлопнув за собой калитку. Я пожал плечами и, заложив руки за спину, стал ходить взад-вперёд...

– Проходите, – не прошло и минуты, как калитка вновь распахнулась, и появился мой давешний собеседник. – Вы один проходите. Ерёма... Тьфу ты, Николай Павлович ждёт вас.

Я шагнул следом за секьюрити, сразу же от ворот, словно угодив в другой мир – мир ухоженного и вылизанного поместья. Мощённые красной брусчаткой дорожки, идеальные газоны, отделанный камнем ручей с водопадами и кажущимся игрушечным мостиком. На парковке возле дома стоял сверкающий никелем «хаммер» – машина прожорливая, но весьма неплохая при нашем бездорожье.

– А я сначала не поверил своим ушам! – навстречу мне спешил сам хозяин, хозяин дома и, насколько я в курсе, почти всех здешних мест, Еремеев Николай Павлович. – Ё-моё, Вовка, Финн, как же я рад тебя видеть!

Да, бывший сержант с позывным «Свен» заматерел, раздался вширь. Сейчас я бы и не вытащил его с поля боя – более ста килограммов навскидку. И взгляд у Кольки стал жёсткий, волчий, холодный и цепкий. Чувствуется хватка хищника, матёрого и опасного.

Мы обнялись, от души похлопали друг друга по спинам, искренне радуясь нашей встрече. На душе внезапно полегчало. Я интуитивно почувствовал, что Николай хотя и оказался по жизни на другой стороне закона, похоже, не растерял человеческих качеств. Интуиция меня редко подводит, доложу я вам. Тут я заметил второго охранника, тихонько появившегося из дома. Здоровый лось, и тоже с помповым ружьём в руках.

– Володя, давай я сразу же прямо спрошу тебя, а ты мне честно ответишь, хорошо? – хозяин мгновенно перехватил мой взгляд в сторону секьюрити. – Скажи, ты приехал по мою душу или нет?

– Нет, Коля, я приехал не по твою душу, – ответил я, глядя Свену прямо в глаза, не моргая. – Я приехал к тебе как гость, как старый боевой товарищ, как частное лицо, наконец. У меня нет ордера на твой арест, нет ордера на обыск, и я не намерен устраивать «маски-шоу».

– Володя, но ты всё ещё работаешь в полиции, да? – Николай с заметным облегчением перевёл дух, глубоко вздохнул. – Или уже на чей-то ЧОП?

– До сегодняшнего утра я работал в полиции, Коля, – я не стал скрывать очевидных фактов. – А вот сейчас даже не знаю, есть ли вообще полиция и есть ли вообще Россия.

– Не понял. Вова, что происходит? Ты здесь из-за землетрясения? Началась война, да? – Еремеев мгновенно весь подобрался, буквально на глазах становясь похожим на того сержанта, с которым я служил в Таджикистане. – На нас напали янки? Китайцы?

– Хуже, Коля, всё намного хуже. Я трезв, как стёклышко, Коля, «дурью» не балуюсь и с психикой у меня всё в порядке. Поэтому не смейся над тем, что я скажу: Данилово и его окрестности оказались в другом мире, – в лоб огорошил я Николая. – Я здесь оказался случайно. Мы с ребятами просто проезжали мимо, по трассе.

– Наверное, будь вместо тебя кто-то другой, я бы решил, что надо мной злостно шутят, – внимательно изучив выражение моего лица, после минутной произнёс Еремеев. – Но полное отсутствие связи и хаос в радиоэфире... Хорошо, Володя, пойдём в дом, всё расскажешь подробнее.

– Погодь, я дам «отбой» своим операм, – остановился я. – Вернусь к воротам и сейчас же приду в дом.

– А по рации ты что, не можешь дать свой «отбой»? – кивнув на «моторолу», с сарказмом поинтересовался хозяин.

– Нет, мы договорились, что я выйду лично, – выделив интонацией последнее слово, я направился ко въезду на территорию.

– Витёк! Открой ворота ипусти мусоров... тьфу ты, ребят моего старого армейского друга, – неожиданно распорядился Николай. – И ещё – не задирайся с ними, не цепляй слово за слово, не лезь на рожон. Они и мы, похоже, теперь все в одной лодке паримся. Понял меня?

– Угу, босс, понял, – отозвался от ворот охранник, доставая из кармана штанов пульт дистанционного управления. Так, а у хозяина, похоже, автономный дизель-генератор имеется. Как раз на случай отсутствия электричества. Следовательно, должен быть и запас солярки для дизеля.

Минуту спустя обе наши машины стояли бок о бок рядом с «хаммером», а мои ребята топали следом за мной. На кухню, завтракать, чем бог послал. Еремеев посмотрел на лица моих оперов и, махнув рукой на типа принципы, пригласил всех нас в дом. Ну, да, чуйка у бывшего пограничника всегда была на высоте. По пути Николай уточнил, что готовить завтрак придётся нам самим, так как его личный повар ещё не приехал на работу. И, судя по последним событиям, непыльная работа повара накрылась медным тазиком.

Кроме самого хозяина в доме находились трое его охранников и пара породистых кошек, встретивших нас в холле. Оглядев подозрительным взором зелёных глаз толпу незнакомых мужиков, кошастые сразу же направились к Зеленцову. Для меня всегда оставалось загадкой, каким образом кошки определяли в капитане любителя всей мурчащей и пушистой братии. Знакомство с Владиславом прошло успешно – обе кошки благосклонно позволили себя погладить, почесать за ушками, и даже потёрлись усами о штаны Зеленцова. Эх, нам бы такую же интуицию в отношении людей, что стоит на вооружении у кошек.

На просторной и отлично оборудованной бытовой техникой кухне нашлись солидные запасы продовольствия, поэтому проблем из-за отсутствия повара не возникло. Мы основательно подкрепились, не забывая благодарить хозяина за хлеб-соль. Хлебосольный хозяин улыбался, отшучивался, мимоходом вернув фразу, что с наступлением военного времени любой русский должен считать себя вновь призванным на защиту своей земли. А если учесть, что земля эта приходится на Данилово и его окрестности, то сержант Еремеев немедленно приступит к исполнению своего воинского долга.

Я невольно восхитился короткой речью своего старого армейского товарища, в котором явно пропал гениальнейший дипломат. Николай мигом аргументировал необходимость объединения усилий его скромных сил и уважаемых гостей с «калашами», чтобы разобраться с происходящим, не допустить насилия, защитить мирное население. Что ни говори, а умён Ерёма, хитёр, талантлив, и котелок у него варит что надо. Что же, пора заканчивать с этим театром и переходить к живописи.

– Пойдём-ка, Свен, обсудим кое-что, – предложил я, допив последний глоток чая. – А парни мои пока попьют кофию с какавой.

– Хорошо, пошли, Финн, – Еремеев слегка напрягся, но постарался держаться неприуждённо.

– Николай, у тебя есть, чем вооружить свою охрану? – я сразу же взял быка за рога. – Я имею в виду не те «помпы», на которые у твоих стопудово выписаны разрешения, а реальные, боевые стволы. Есть?

– Ну, предположим, я найду стволы, – хитро прищурился собеседник. – Понимаешь, я готов встать рядом с тобой, Володя, а своим людям всё-таки хочу предложить выбор. Если, к примеру, у моих с твоими в перспективе проблемы будут? Как бы не постреляли друг друга, не дай бог.

– Никто никого не постреляет. Я поговорю со своими, ты – со своими, и вообще разведём бойцов по разным окопам. До поры до времени, а потом притрутся, не маленькие, – ответил я. – Ты, вообще, по каким принципам набирал личный состав?

– Большинство моих с армейским опытом, несколько человек прошли Чечню. С тупыми отморозками никогда не работал и никогда работать не намерен. Уроды они конченные, – хозяин дома презрительно сплюнул. – Финн, я хоть и ушёл в бандиты, но не оскотинился, и умом не тронулся. Да, я жёсткий, и порой даже жестокий, но не зверь и не монстр, каким меня часто представляют в ментовке.

– Я никогда не занимался тобой и твоими делами, Коля. И отбояривался от твоих тем, как мог. Под разными предлогами. Потому что мы вместе лазили по тем горам на границе, и я точно знал, что никто не пальнет мне в спину, пока ты меня прикрываешь, – я смотрел Николаю прямо в глаза, а тот не отводил взгляд. – В то же время я отслеживал всё, связанное с тобой, сопоставлял, думал... И, знаешь, я не знаю, куда бы сам подался, окажись я на твоём месте. А сейчас та страница перевернулась, Коля, и мы всё начинаем сначала. Объясни это своим, а я объясню своим.

– Володя, с этого момента считай, что тебе вновь никто не выстрелит в спину. Как бы там дальше ни легла наша карта, – взгляд старого армейского товарища потеплел. – Я даю слово, что мои бойцы не поднимут бучу. А если что, разберусь сам, без лишнего шума.

– Введи меня в курс дел по Данилово. Что здесь с администрацией? Как с участковым? – видя, что всё точки над «I» расставлены, я перевёл разговор на другую тему.

– Участковый хороший, по крайней мере, свою работу знает. У него нет особых амбиций и лидерских качеств, а так – мужик вполне толковый, – Еремеев провёл рукой по своей короткой стрижке. – Глава администрации – тот вообще мой ставленник, но, к сожалению, труслив и мягкотел. Из демократов, типа. Эх, знал бы раньше, что такое случится, так не выпихивал бы в отставку прежнего. Тот был из старых, ещё советских кадров, и у народа пользовался огромным авторитетом. Да и сейчас его не забыли, если что, то постоянно обращаются к нему с разными делами.

– Ничего, администрацию и поменять можно, если вдруг понадобится, – произнёс я. – Хорошо, решай, кого из бойцов брать с собой, и выдвигаемся к церкви, а потом к участковому и к администрации.

– А зачем к церкви-то? Отец Серафим никогда не станет вмешиваться в дела людские, он вообще не от мира сего, – искренне удивился Николай.

– Нам не сама церковь нужна, а колокольня. Хочу, чтобы ты лично посмотрел на новые горизонты, – усмехнулся я. – А то, может, не веришь мне на слово?

– Да я со своего балкона первой тебя море увидел! Решил, было, что это глюки пошли, потом вспомнил, что вчера ни грамма во рту не было, – засмеялся Ерёма, поворачиваясь в сторону ворот. – Витёк! Шагай сюда, разговор есть!

Спустя какое-то время во дворе усадьбы Еремеева собрались две группы вооружённых людей. Мы, семеро оперов в чёрной униформе «а ля спецназ», вооружённые автоматами и пистолетами, и четверо бойцов в натовском цифровом камуфляже. Во главе с неформальным хозяином здешних мест, известным криминальным авторитетом Еремеевым Николаем Павловичем.

После нашего разговора Свен собрал своих парней всех вместе, быстро объяснил им ситуацию, описал задачи и перспективы. После этого погнал двоих ребят куда-то в подвал или ещё в какие-то бандитские закрома за оружием. Последнего оказалось негусто – полдюжины «калашей», карабин СКС с оптическим прицелом, пара ПМов, и один ТТ с глушителем. Ну, ещё три легальных помповых ружья и личная «беретта» хозяина. Плюс некоторое количество боекомплекта, из расчёта продержаться минут десять против сотни атакующих духов. Признаюсь, я ожидал от Николая нечто большего, о чём прямо и сообщил ему.

– Основной схрон уже недоступен. Он остался там, в городе, – Еремеев неопределённо махнул рукой в сторону Питера. – Так, кто остаётся «на точке»?

Трое охранников здешнего босса переглянулись между собой и решили, что останется мой тёзка, некий Володька. На вид – обыкновенный качок, с ничем не выделяющейся внешностью. Колька сразу же загрузил остающегося срочными задачами, связанными с экономией электроэнергии и консервацией чуда американского автопрома.

Как оказалось, «хаммер» принадлежал любовнице хозяина, которая гостила у подруги в Питере. У самого же Еремеева оказались в гараже ещё две машины – на сей раз его собствен-

ные – «лэндкрузер» и «гелендваген». Оба джипа с дизельными движками, что характерно. В последний и загрузились бывший пограничник с парой своих бойцов.

За время нашего вояжа в гости обстановка в Данилово заметно изменилась. В посёлок подтянулись все те, кто вместе с нами оказался на трассе – дачники, дальнотойщики и прочие транзитники. Проснувшиеся жители населённого пункта высыпали на улицы, с тревогой наблюдая за наплывом незваных автомобилистов. По Данилово ползли самые невероятные слухи и сплетни. Шила в мешке не утаить, и по мере распространения новостей народ постепенно стекался на окраину, где с колокольни открывался прекраснейший вид на окружающий посёлок ландшафт.

К счастью, участковый оказался на месте, точнее, дома, не успев присоединиться к паломничеству в сторону церкви. Еремеев пожал руку лысеющему старшему лейтенанту лет так сорока-пятидесяти, представил меня, Мишу Ковалёва и предложил присесть, чтобы обсудить один важный вопрос. Затем огорошил товарища участкового свежими новостями.

Видя, что у Антонова Евгения Мироновича – так звали полицейского – образно говоря, не хватает оперативной памяти для осмысления происходящего, Николай применил допинг. В виде полулитровой фляжки коньяка, что нашлась в джипе бывшего пограничника. Участковый одним залпом выдул почти половину ёмкости, просмаковал остатки прекраснейшего армянского коньяка, закусил поданными супругой грибочками, крикнул и пошёл за оружием.

Жена участкового, которая слушала наш разговор, вертясь на кухне, буквально засыпала нас вопросами, заодно проинформировав о местной беде – проблеме с колодцами. С деревенскими колодцами творилось что-то ненормальное: часть из них неожиданно пересохла почти наполовину, другие же внезапно переполнились водой, чего обычно с ними никогда не происходило. Никто из соседей не знал, что и думать, началось распространение самых невероятных слухов.

Супруга участкового поохала, поохала, малость всплакнула, дала лёгкий подзатыльник младшему сыну, и тут появился Антонов. Одетый по форме, с «вепрем» в руках, табельным «Макаровым» в кобуре, готовый исполнять свои служебные обязанности. В глазах старлея читалась решимость идти до конца, чего бы это ни стоило.

Хотя было хорошо заметно, что между участковым с Николаем ровные отношения, Мироныч сел ко мне в «мерседес», где успел переговорить со мной почти тет-а-тет. В основном уточнял некоторые моменты, чтобы обладать полной информацией по событиям на шоссе. Мне импонировал такой подход к делу, да и Антонов, как человек, понравился, несмотря на лихо употреблённый им коньяк. Ну, что делать, если мужик не читал фантастику и не готов к обалденно резким переменам в нашей жизни.

Здание местной администрации мне понравилось. Красивый, отремонтированный и ухоженный домик, аккуратная табличка на дверях, сообщающая, что здесь заседают местные органы власти. Эти самые органы в количестве двух человек сразу же выскочили навстречу, едва Колькин «гелендваген» скрипнул тормозами у крыльца здания. Рядом остановились мы и, захлопав дверями, стали вылезать всей толпой.

Поначалу глава официальной власти перепугался, побледнел и, вообще, весь переволновался. Шутка ли – по его душу разом припёрлись сам Ерёма с подручными, да ещё и залётный спецназ нарисовался. Плюс участковый, затесавшийся к нам в команду.

В общем, Еремееву вновь пришлось экстренно применить проверенный метод допинга. На этот раз в виде красивой бутылки виски с очень солидной выдержкой. И что вы думаете? Глава одним махом выдул более половины бутылки, и выпил бы и до дна, если бы Николай со словами «харэ лакать, милый» не отобрал ёмкость. Сунув вискарь секретарше, Еремеев сначала представил нас, а затем и нам.

– Андрей Маркович Петренко, здешний «премьер-министр», «министр финансов» и всего остального, прочего, – похлопав главу по плечу, Николай сразу дал понять, кто здесь

реальный «президент». – Сейчас Андрей Маркович пойдёт по домам, соберёт нужных людей, а уже затем они соберут народ.

– Ох, Николай Павлович, а что вообще случилось-то? Правда ли, что произошёл геологический катаклизм? – как оказалось, Петренко вообще смутно представлял себе происходящее в округе.

– Ёшкин кот, а кто из нас глава администрации? – наигранно удивился Ерёма. – Это ты, Андрей Маркович, должен мне доложить, что происходит. А не я к тебе мчаться с новостями, как тот Гарун. Ладно, не трясись, сейчас всё узнаешь от майора Иванникова.

Пока я рассказывал, что и как, Петренко то краснел, то бледнел, то вновь краснел. Видимо, выпитое Андреем Марковичем виски боролось с его врождённой боязнью начальства, и следы этой борьбы отражались на упитанной физиономии главы. Стоявший здесь же рядом Николай словно прочитал мои мысли и, улучив момент, виновато развёл руками: мол, сам видишь, какие кадры. Я пожал плечами и быстро свернул свой рассказ.

– В общем, так, Андрей Маркович – сиди здесь, и информируй людей, которые будут подходить, что мы вскоре создадим чрезвычайный совет, – немного подумав, распорядился Еремеев. – Ты, Елена Васильевна, езжай к Федосееву и попроси, чтобы Роман Георгиевич подъехал вместе с тобой... Ленка! Ты весь вискарь вылакала? Ну, млять, что за дела такие? Как же ты за руль сядешь, коза драная?

Оказывается, пока я толкал речь, просвещая Марковича, его секретарша потихоньку прикончила остатки еремеевского виски. То ли от нервов, то ли по иной причине. Колька, когда увидел пустую бутылку и блестящие глазки секретарши, едва не закатил бабе хорошую оплеуху, но сдержался, похоже, постеснявшись полиции. А я сообразил, отчего это ухмылялись мои парни – смотрели, как Елена Васильевна за нашими спинами прикладывается к бутылочке.

– Лёня, бери «уазик» и поезжай к Федосееву. Культурно, повторяю, культурно попроси Романа Георгиевича от моего имени сесть в машину с тобой и приехать к церкви, – Николаю пришлось посылать за неким Федосеевым одного из своих ребят. – Всё, давайте, двинем на колокольню. Надо осмотреться, а потом провести разведку местности.

Я кивнул, соглашаясь с доводами своего бывшего армейского друга. Как-никак, он здесь живёт и знаком с округой куда лучше нас. Кроме того, надо немедленно сориентировать и Антонова, который вообще знает здесь каждый кустик. Участковый родился в Данилово, прожил в посёлке почти всю жизнь и является настоящим кладёзем информации. Но сначала пусть Мироныч соберёт всех мужиков, у кого есть оружие. Чую, что времена развивающегося капитализма закончились, и наступает настоящая демократия, при которой истинно свободные люди должны иметь при себе оружие.

Ещё при подъезде к церкви мы поняли, что информация о катаклизме распространилась быстрее ветра. К колокольне стекались и стар и млад, ехали на велосипедах, машинах и тракторах. Мелькнул давешний «опель», в боковом переулке приткнулся «КамАЗ», а его водитель стоял рядом и о чём-то беседовал с женщиной средних лет. Я уловил взгляд этого мужика, уверенный, лишённый злобы или чего-то подобного. Надо будет познакомиться с этим человеком поближе.

У церкви нас встретило по здешним меркам целое море народа – человек сто, не меньше. На крыльце храма стоял отец Серафим и вещал людям о Страшном суде, воздаянии, об избранных богом и т. п. Народ – в основном женского пола и преклонных лет – внимал речам настоятеля, крестился и плакал. Другие – кто помоложе, и мужского пола – лезли на колокольню, чтобы самим убедиться в собственной избранности. Хорошо поставленный голос отца Серафима перекрывал неизбежный в таких случаях шум и гам.

– Евгений Миронович, ты проследи, пожалуйста, за порядком, – вылезая из джипа, попросил я. – Чтобы никто не подрался, обошлось без рукоприкладства и насилия. Толпа – она часто бывает неуправляема. Особенно когда люди на эмоциях.

– Я останусь и помогу Антонову, – неожиданно произнёс мой напарник. – Займусь хоть какой-нибудь полезной работой, чтобы не думать о своих.

– Хорошо, Миша, – кивнул я. – Толик, Костя, вы остаётесь в распоряжении капитана Ковалёва и участкового... Евгений Миронович, вы тут распорядитесь, а потом сразу наверх, к нам. Без вас нам не обойтись.

– Добре, Владимир Иванович, – участковый сразу же признал моё главенство и лишь покосился на Еремеева. Николай же вообще не обратил на нас никакого внимания, сразу же направившись к храму. Кольке, похоже, не терпелось поскорее взглянуть на округу с самой высокой точки посёлка. Люди расступались, пропуская Ерёму и его двух подручных. Ну, пора и нам топать наверх.

– Ну, как, ходим с девками на море? – подколол я своего бывшего однополчанина, рассматривавшего в бинокль окрестный пейзаж.

– Легко. Только шнурки поглажу, – съязвил Николай, не отрываясь от наблюдения. – Володь, там, на севере нет никаких изменений местности. Я вижу крышу коровника фермера Савченкова. Хороший мужик, кстати, крепкий... Просматривается и хозяйство Чугунова... Увидели бы и Замятино, если бы не дымка.

– Что там, в этом Замятино? – поинтересовался я, доставая карту.

– Дюжина старушек, пяток питерских дачников, несколько пустых хат, – ответил Еремеев. – Подробнее можно узнать у Антонова или у того же Петренко. У Марковича там родня живёт – тётка с алкашом-сыном.

– Сколько отсюда до Замятино? – я глянул вниз, где Ковалёв и участковый прервали проповеди отца Серафима. К церкви продолжал стекаться народ, и, как полагаю, внизу собрался почти весь посёлок.

– Километров пять-шесть, наверное. Там, после Замятино есть ещё три деревеньки, которых больше нет на карте. Там даже старушки отсутствуют: перестройка, самогонка и дикий капитализм выбили народ не хуже фашистов, – со злостью сплюнул Еремеев. – Короче, Финн, надо самим ехать в Замятино и разбираться на месте, что там и как.

– Надо так надо, – хмыкнул я. – Коль, а сколько отсюда до Рясенки?

– Километров одиннадцать, точно не знаю, – Николай пожал плечами, глянул вниз. – Я в ней бывал-то всего пару раз. По той дороге между деревнями только на тракторе и ездить. Володь, Рясенку отсюда не видно. Она лежит северо-западнее, а там лес мешает... Не дождёмся мы Мироныча, Вова. Он накрепко увяз в позиционном трёпе с бабульками, и его просто так не отпустят.

– Понятно. Ладно, пошли вниз, а то там вообще назреет и произойдёт революция. Как говорили классики, подобные процессы лучше возглавлять нам самим, а не противостоять им, – вздохнул я, убирая карту в карман.

Внизу нас встретили шум и гам, в котором не было слышно собеседника в пяти шагах от самого себя. Недолго думая, я снял автомат с предохранителя, передёрнул затвор и трижды выстрелил в воздух одиночными. Это помогло – народ мгновенно замер, разом прекратив сотрясать языками воздух.

Толпа утихла, и стало слышно, как кто-то сдавленно охнул, а кто-то зашмыгал носом. Люди смотрели на нас – на хорошо вооружённых незнакомцев, неизвестно как очутившихся в Данилово. Смотрели на всем известного негласного хозяина всей округи, который и ранее внушал трепет, а теперь вообще открыто носил оружие вместе со своими бойцами.

– Тишина, граждане! Попрошу тишины! – мне пришлось напрячь свои голосовые связки, чтобы меня услышали все, находящиеся у церкви. – Меня зовут Иванников Владимир Иванович, я майор, начальник криминальной полиции энского УВД из Санкт-Петербурга...

По мере того как я говорил, лица людей становились всё суровее и суровее. Постепенно в толпе возник тихий гул, который не имело смысла глушить. Осознавая, что мир вокруг резко

изменился, люди перешептывались, переругивались, давали волю эмоциям. Хорошо, что хотя бы не перебивали, не освистывали, не улюлюкали.

Я уложился минут в десять, а затем слово взял Николай. Сразу же подтвердились мои выводы о недооценённых страной и властью талантах товарища Еремеева. Бывший сержант погранвойск чётко расписал произошедшие геологические изменения в окрестностях населённого пункта. Затем плавно перешёл к нашему появлению в Данилово, особо подчеркнув, что он сам отныне находится в подчинении майора полиции. Расписал меня как лучшего друга и отличного командира, ну, прям эталон офицера языком из меня вылепил. Ай да Колька, ай да сукин сын!

– ...Товарищи! Ни для кого не секрет, что это я постарался протолкнуть на место главы администрации Андрея Петренко. Да, он мой ставленник, по сути работавший в мою пользу, – неожиданно для меня Еремеев заговорил о местных делах. – Петренко – мягкий и добрый человек, хороший исполнитель и, что самое главное – не вор! Да, да, он работал честно, не присваивал чужих денег. Сами знаете, что у нас о любой власти говорят, что она набивает себе карманы, едва добравшись до кормушки... И знаете, что я не люблю крысятничества из своего кармана.

В толпе раздалось несколько смешков. Видимо, кто-то представил, что Ерёма Безбашенный сделал бы с рискнувшим обокрасть его чиновником. Я посмотрел на Николая, пытаюсь понять, куда тот клонит. Народ, похоже, тоже заинтересованно слушал речь Еремеева, явно узнавая для себя какие-то новые подробности о местной политической кухне.

Мои опера переглянулись между собой, и Ковалёв тихонько что-то спросил у стоявшего рядом с ним участкового. Антонов помедлил с ответом, а потом утвердительно кивнул, произнеся пару фраз. Так, так, так, а Мироныч, похоже, действительно в курсе всего и вся.

– ...Поэтому я предлагаю Роману Георгиевичу Федосееву стать во главе формируемого чрезвычайного совета, в руки которого временно переходит вся власть в Данилово и его окрестностях, – ах ты, паршивец, Колька, как ловко всё провернул. – До момента восстановления законной российской власти, товарищи! Роман Георгиевич, вы очень нужны людям! Очень прошу вас, пожалуйста, выйти сюда!

Толпа пришла в некоторое движение, народ зашевелился, пропуская невысокого седого старичка, опиравшегося на трость. Вроде дедушка как дедушка, а люди почтительно с ним здоровались и искренне улыбались, глядя на него. Судя по всему, непростой старичок этот Федосеев, ой как непростой.

– Это бывший глава администрации, которого лет пять назад спровадили на пенсию, – прошептал мне в ухо Михаил. – Он не давал твоему Ерёме стать единовластным хозяином всей округи. Хорошо ещё, что обошлись пенсией и выборами, а не как другие.

– Миша, Ерёма не мой. Он свой собственный, – также шёпотом ответил я – И он очень не хочет брать на себя ответственность за весь посёлок. Поэтому и устроил весь этот цирк. Заметь, как талантливо всё сделал, грамотно.

– Ага, вижу. Прямо народное вече какое-то, – чуть усмехнулся Ковалёв. – Сейчас князя выберут, а там и ополчение созывать начнут.

До князя, как вы понимаете, не дошло. А вот выборы действительно состоялись. Здесь же, на месте, у церкви. Народ живо откликнулся на предложение Николая создать чрезвычайный совет как временный орган власти и поставить во главе его товарища Федосеева. Как мне показалось, люди проголосовали единогласно, и даже приезжие автомобилисты оказались «за».

Еремеев на этом не успокоился, сразу же предложил несколько фамилий во вновь созданный совет, а затем действительно призвал создать ополчение. Обосновав это тем, что никто из собравшихся не в курсе, что вообще произошло и когда всё это закончится. А народ защищать надо, и это должен сделать сам же народ. Все, имеющие оружие и способные им пользоваться.

Едва слово взял новоизбранный Роман Георгиевич, как произошло знаменательное событие – сквозь дымку наконец-то проглянуло солнце. Даниловцы восприняли это как хороший знак, встретив солнце овациями, восторгом и радостными возгласами. Светило посверкало нам всего минут пять, а затем вновь исчезло за напавшей облачностью.

Митинг было продолжился, и тут неожиданно раздались удары колокола. Как оказалось, отец Серафим воспринял появление солнца как знак небес и помчался наверх звонить в колокол. Колокольный звон – это хорошо, но, к сожалению, при нём сложно напрягать голосовые связки, чтобы тебя услышал народ. Несколько мужиков поднялись наверх, чтобы успокоить излишне эмоционального батюшку, а я подошёл с Федосееву.

– Роман Георгиевич, на шоссе в паре километров к востоку лежит вдребезги разбитая фура с продуктами, – произнёс я, после того как поздоровался со стариком за руку. – Водитель фуры погиб, а вот продукты вскоре всем нам понадобятся. Надо бы организовать сбор и перевозку груза в посёлок.

– Очень хорошо, Владимир Иванович, сейчас же распоряжусь и организую, – голубовато-зелёные глаза Федосеева прямо-таки засверкали от удовольствия, и вообще старичок словно испускал какие-то флюиды энергии и непоседливости. – Семён! Семён, подойди сюда! Так, где Василий Никитин со своими сыновьями?

Тут к нам пробилась какая-то бабка и сразу же стала грузить нового главу совета проблемами с крышей и сараем. Я невольно прислушался, и вскоре выяснилось, что подземные толчки вызвали некоторые разрушения. Пострадали несколько старых и ветхих домов, в которых проживали одинокие старушки, а некая Матвеевна сломала ногу, когда на неё упала слега.

Колокольный звон наконец-то прекратился, и стал слышен рёв мотора какого-то транспортного средства, несущегося на полной скорости. Спустя несколько секунд из-за поворота выскочил трактор, лихо остановился, не глуша мотор, а из его кабины выпрыгнул бородатый мужик с ошалевшими глазами.

– Это Женька Чугунов, мой тёзка и одноклассник, – присмотревшись, произнёс Антонов. – Похоже, что-то произошло.

– Люди!!! Рясенка исчезла!!! Нет ни дороги, ни самого села!!! – завопил Чугунов, бросаясь через толпу к церкви. – Мир перевернулся!!! Люди!!!

– Всё ясно. Женька вчера нажрался, а утром с бодуна поехал к соседям. Видать, халтура у него там нашлась, – участковый быстро выстроил логическую цепочку. – И не доехал.

– Евгений Миронович, вы соберёте тех, у кого есть оружие? – поинтересовался я, наблюдая за хватающимся за голову Чугуновым.

– Да, товарищ майор. Через часик у правления соберутся все наши мужики с ружьями, – кивнул Антонов и покосился на одного из охранников Еремеева. – Автоматов у нас не водится, но у кого что есть, как говорится. Карабины, дробовики.

– Да хоть берданки с наганами, лишь бы побольше, – уточнил я. – Надо сделать объявление, чтобы народ тащил все оружие, что найдёт. Отныне власть не станет привлекать за нелегал, за самоделки и за прочее. Наоборот, благодарить станем за каждый лишний ствол. А если мир вернётся обратно, и всё встанет на свои места, то я даю слово офицера, что мы ничего не видели и ничего не знаем.

– Мироныч, ты давай собирай мужиков, кто служил в армии, грамотных и надёжных, – услышав наш разговор, к нам подошёл Николай. – Я передам вам кое-какие излишки, отдам «помповухи», СКС с оптикой.

– СКС лучше себе оставь, снайпером будешь, – вмешался я. – А своих бойцов раздели на пару автоматчиков и водителя. В результате у нас будет три полноценных тройки бойцов.

– Так точно, товарищ майор. Будет исполнено, – шутивым тоном отозвался мой бывший однополчанин. – Володя, да три тройки на всю округу – это капля в море. Это на пару «блоков» и на маневренную группу. А нам надо минимум пять троек и наблюдателей на колокольню...

Во, кстати, у меня есть телескоп – подарили как-то на день варенья. Мироныч, а давай-ка оформим штатным наблюдателем твоего старшего пацана.

– Лучше я нам другого наблюдателя найду, – подумав, произнёс Антонов. – Есть у нас очень ответственная девушка, к матери на выходные приехала. Её и посадим на колокольню.

– А что с медициной, с продовольственными запасами? Здесь хотя бы магазин имеется? – вступил в разговор капитан Ковалёв. – Надо бы где-то разместить транзитников, которые оказались на шоссе вместе с нами.

– Да, это важно. Миша, именно этим мы сейчас и займёмся – знакомством с людьми и конфискацией груза, – вспомнив про рефрижератор и его водителя, оживился я. – Евгений Миронович, тебе дополнительное задание: кинь клич, пусть поселковые разместят автомобилистов по хатам.

– Может, их лучше в школу? – внёс предложение участковый.

– Нет, школа, быть может, понадобится для чего-то другого, – какое-то странное предчувствие никак не отпускало меня. – Разместим автомобилистов у местных.

– Кстати, про магазин. Могу обрадовать товарища капитана – в Данилово есть два магазина, и оба они принадлежат мне, – засмеялся Еремеев. – Что, Мироныч, не знал, что я Таньку спонсирую? Она баба хорошая, вот я и отсыпал деньжат вдове. Жить-то ей как-то надо, с двумя-то детьми на руках.

– Не знал, Николай Павлович, удивил ты меня, – оказывается, и Антонов может чего-то не знать. – Эээ... А как же теперь быть с деньгами? Отменить их или как?

– А разве есть какие-то иные варианты, товарищ старший лейтенант? – вкрадчивым голосом спросил мой напарник. – С этого момента наступает коммунизм – с каждого по способностям и каждому по потребностям.

– Смотри, Миша, вот, как соляра выйдет, запрягут нас, и будем мы с тобой вместо лошадок окучивать картошку, – я шутиливо погрозил пальцем Ковалёву и повернулся к своим. – Так, бойцы, идите знакомиться с автомобилистами – с теми, кто оказался в посёлке транзитом, как и мы с вами... А мы, Евгений Миронович, поговорим с твоим тёзкой и одноклассником. Информация не бывает лишней.

Из разговора с Чугуновым выяснилось, что расположенная северо-западнее Данилово деревня Рясенка исчезла, словно её и не было. Тракторист, как это верно подметил участковый, вчера вечером откушал водочки, но с утра поехал поработать к соседям. Проехал около четырёх километров, и едва не лишился рассудка.

Просёлок резко оборвался в прямом смысле этого слова, упёршись в невиданный в этих местах лес. Высоченные деревья, цветущий кустарник, густая трава. Чугунов клялся и божился, что виденная им растительность не имеет ничего общего с нашей, с российской. Никаких животных и птиц он не заметил, а на насекомых даже не подумал обратить внимания. Кому они вообще нужны, жуки и муравьи всякие?

Узнав от людей, что произошло на самом деле, тракторист сначала впал в ступор, потом стал было буйствовать, не веря сказанному. Пришлось мужика сбить с ног подсечкой, надеть на него наручники и отвести на колокольню, чтобы своими глазами увидел округу посёлка. Затем сердобольные бабки налили бедняге граммов семьсот самогона и повели под руки к ближайшим родственникам – проспаться. Федосеев временно конфисковал трактор, чтобы Женька не натворил делов, если вдруг проснётся раньше времени.

Тем временем мы занимались товарищами по несчастью. На момент катаклизма на шоссе у Данилово оказались три фуры, шедшие из Питера, пять легковушек, злополучный фургон-камикадзе и уже хорошо знакомый нам рефрижератор. Ну, ещё плюс мы и та вдребезги разбившаяся фура с продуктами. Итого дюжина машин и более двух десятков человек, мужчин и женщин.

– Соловьёв Владимир Андреевич, – вслух произнёс я, глянув в паспорт водителя рефрижератора. Да, получилось, что он мой тёзка. – Вы в армии где и кем служили, а, Владимир Андреевич?

– Служил в ВДВ, исполнял интернациональный долг на югах, за речкой, – с едва заметной грустью ответил Соловьёв. – Военная специальность – пулемётчик.

– А где научились так хорошо водить? – поинтересовался я, возвращая мужику паспорт.

– И до армии и после неё увлекался гонками, одно время даже подрабатывал каскадёром на «Мосфильме», – ответил водитель. – Что, командир, не веришь?

– Почему? Верю. Проверить, конечно, не могу, но верю, – улыбнулся я. – Что везёшь, Владимир Андреевич?

– Мясо, говядину. И уже, похоже, не довезу, – невесело усмехнулся Соловьёв. – Машину, как понимаю, ты конфискуешь, да, майор?

– Не будем ставить вопрос таким образом, – поморщился я. – Не я конфискую, а мы позаимствуем для нужд всего населения.

– Да мне по барабану, как это назвать. Я не против – забирай «КамАЗ», и делай с ним, что хочешь, – засмеялся водитель. – Я тут уже договорился с одной хозяйкой насчёт постоя, помогу ей с колодцем, а потом – посмотрим.

– Слушай, тёзка, а как давно ты участвовал в гонках? – у меня родилась одна идея, и я решил не упускать этого мужика на вольные хлеба.

– Ну, лет девять-десять назад был на ралли в последний раз, – подумав, ответил Соловьёв. – А потом развёлся, пошёл работать дальнобойщиком, ещё раз женился, снова развёлся. А что ты хотел, майор?

– Пойдёшь ко мне рулить? У меня джип, серебристый «мерс», – махнул я в сторону своей машины. – Получишь автомат, пистолет, а может, и разгрузку найдём.

– К тебе, говоришь? – оценивающе прищурился водитель «КамАЗа». – Вот так сразу доверишь свой «мерс» первому встречному?

– Ты не первый встречный. Нервы у тебя железные, а случись чего – ты не подведёшь. Я чую людей, вижу, кто чего стоит, – объяснил я. – Это оперский опыт и чутьё, помноженные на соображалку.

– А, ладно, всё равно надо будет чем-то заняться. Гони ключи от своего джипа, – Соловьёв думал недолго. – Дай ещё пару минут – я сейчас соберу из кабины вещички, перенесу в дом к хозяйке.

– Хорошо. Держи ключи, – я протянул тёзке брелок с ключами. – «КамАЗ» пусть пока здесь постоит, я не знаю, где на селе продуктовый склад будет. Федосеев распорядится, и ты потом сам же его и отгонишь.

Пока я решал вопрос с рефрижератором, мои парни разобрались с тремя фурами. Две из них оказались особо ценными, так как везли продовольствие – импортные консервы и макароны. Третья фура оказалась забита различной компьютерной техникой. Эх, часика три назад мы бы радовались такому подарку и в ус не дули. А сейчас, когда посёлок сидел без электричества, я не представлял, что нам делать со всеми этими серверами и принтерами. У Еремеева, конечно, электричество было, но надолго ли хватит его запасов солярки?

Фургон-камикадзе вёз различные молочные продукты – сыр, сливки, сметану, и я немедленно приказал Руслану перегнать эту машину к правлению. Пусть Федосеев сам разбирается, где хранить наиболее скоропортящиеся грузы. Туда же, к правлению, отправил и те две фуры с импортными продуктами.

– Знакомьтесь: Соловьёв Владимир, бывший десантник, гонщик и каскадёр, – когда мои опера закончили общение с дачниками, я представил им нового товарища. – Будет рулить на моём «мерсе». Ну, что, парни, готовы проехаться по округе?

– Володь, мы-то всегда готовы, но моя «бэха» не проектировалась для родных ухабов, – озабоченно произнёс Владислав. – Я застряну в первой же колдобине.

– Хорошо, я поговорю с Николаем. Он нам даст какой-нибудь джип взамен твоей «бэхи». – Увы, но Зеленцов был полностью прав – не на его БМВ лезть в российское бездорожье. Особенно весной, когда земля ещё не просохла после таяния снега.

Еремеев сразу же согласился с моими доводами и послал пару своих бойцов за вторым джипом, за «лэндкрузером». Заодно приказал привезти всё оставшееся оружие – СКС, помповые ружья для ополчения, оба «лишних» автомата, пистолеты, патроны, запасные магазины и прочую амуницию. Мол, надо вооружать мужиков, а то фиг его знает, как карта ляжет. Я подумал и согласился с Колькой, решив передать ополченцам все три наших «укорота». Фиг его знает, куда кривая выведет.

Пока мы готовились к выезду на разведку местности, из облаков вновь выглянуло солнышко. Яркое и отнюдь не майское солнышко. Лучи солнца залили землю, стало заметно теплее, с моря подул лёгкий ветерок. Народ в посёлке потихоньку стал приходить в себя, расходиться по домам, и на колокольню пробрались любопытные пацаны.

– Владимир Иванович, а что с детьми будем делать? – поглядев на торчащие вверх головы, спросил Толик Новичонков. – Опасно там. Гнать в шею или как?

– Можно и прогнать, но это не решит проблемы, – задумался я, глянув на чью-то вихрастую голову. – Мы сами были в их возрасте и сами лезли во всякие переделки. Пацанов надо будет как-то организовать и использовать как тимуровцев по посёлку, что ли. А то полезут в чужой лес и, не дай бог, нарвутся на приключения на свои задницы... Чёрт, без сотового как без рук.

– Шеф, без сотового, говоришь? – произнёс подошедший к нам Саня Барулин. – Напомнить старый анекдот из серии армянского радио про мальчика «пейджер-джана»? Вон они, «пейджер-джаны», окрестностями любят. Пусть берут велики и вперёд – работать посыльными.

– Верно, пацанву нужно занять каким-нибудь полезным делом, чтобы они были под приглядом старших, – согласился со словами напарника Зеленцов. – Давай, Саш, пойдём и организуем это дело, пока есть пару лишних минут.

Капитаны ушли на колокольню, а к нам подошли две бабульки и заплаканная женщина лет сорока пяти. Сразу же выяснилось, что женщина очень беспокоится за судьбу дочери, оставшейся в Питере, и всё ещё не верит, что мир изменился. Материнский инстинкт подсказывал ей, что надо бы пробраться в город, чтобы поискать своего взрослого ребёнка. Вот она и решила обратиться к нам: мол, полицейские из Питера найдут дорогу проехать обратно. Да, сложный случай.

Успокаивая женщину, как мог, я понял, что у людей скоро начнётся психологический откат – осознание факта реальности перемен. Практически у всех жителей Данилово где-то там за чертой остались родственники и дети, и люди ещё не примирились с мыслью об их отсутствии. Это как примириться с мгновенной смертью близкого человека, с которым ты ещё вчера говорил и видел его живым, а уже сегодня его не стало, и нет никакой возможности проводить его в последний путь. Наверное, подобное ощущали миллионы матерей во все времена, когда им сообщали, что их дети пропали без вести или погибли.

Появление Еремеева спасло нас от продолжения тяжёлого разговора с потерявшей свою дочь женщиной. Извинившись, я занялся организационными делами. К этому моменту Зеленцов и Барулин вывели из церкви с десятков пацанов возрастом примерно от десяти до тринадцати лет и предложили тем вступить в народное ополчение. Пока на испытательный срок, а там – как себя проявят на службе. Вот артисты, блин! Ещё бы пообещали выдать мальчишкам боевое оружие. Мысленно аплодируя таланту своих оперов – мгновенно нашли, как завлечь пацанов, – я вытащил карту местности, расстелил её на капоте джипа.

– На самом шоссе мы уже были, – я указал карандашом на выделенный красным отрезок трассы. – С колокольни хороший обзор, и местность за шоссе просматривается как на ладони. Море и тот заметно выступающий в него мыс мы тоже видели. Чужой лес на мысу мы осмотрим потом, никуда он от нас не денется. Нет никакой информации по северному направлению, ничего нет по востоку. Предлагаю сначала проехать на север, посетить деревеньки, которых уже нет на карте, потом завернуть в Замятино.

– Согласен, товарищ командир. На лазурное побережье за околицей Даниловки пойдём потом, когда вернёмся из тундры, – озорным тоном произнёс Николай. – Погреемся на песочке, попьем пивка, найдём себе барышень по вкусу.

– Ты бы с пивом поаккуратнее, товарищ сержант, – отозвался я. – Пиво теперь станет жутким дефицитом, прямо как в советские времена. А водка вообще приобретёт ценность доллара. Жидкая валюта, как её иногда называют.

– Ага, вместо евро будут патроны, а вместо золота – обалденно красивые бабы, – разве-селился мой армейский друг. – В общем, так, Володя, я закрываю оба своих магазина и оставляю Витька с Лёней их охранять. Мало ли что. Как только Федосеев назначит ответственного за стратегические ресурсы, я сразу же отдам обществу свои запасы. И ещё я хочу попросить Антонова дополнительно выделить пару ополченцев для охраны жратвы и алкоголя. Надо ехать к Миронычу, Вова.

– Поехали. Влад, берите «крузак», а свою «бэxu» отдай вот ему, – я указал на молчаливого спутника Еремеева, который привёл к церкви японский джип. – Не бойся, ничего с нею не случится. Её отгонят во двор к Николаю.

– Володь, я, наверное, поеду с парнями, – неожиданно произнёс Ковалёв. – У нас мало-вато места на пятерых.

– Нет, Миша, ты поедешь со мною, – мягко возразил я. – Мы работали бок о бок более десяти лет, и ты по-прежнему мой друг и зам. Я верю тебе, как самому себе, и ничто в мире этого не изменит. Даже конец света.

– У Светы нет конца. Это проверено, – чуть улыбнулся Ковалёв, намекая на одну известную всем нам капитаншу. – Руслан, ты поедешь в «лэндкруйзере». Случись что – из нашей тачки потому сложно выскочить быстро.

– Да мне пофигу, где ехать, – отозвался Руденко. – Лишь бы люди были приятные, матом бы не ругались, к сиротинушке на «вы» обращались.

– Ты на что намекаешь, нахал? – деланно возмутился я. – Чем тебе было плохо с нами?

Очередная присказка Руслана вызвала кратковременный взрыв смеха, и немного взвинченная атмосфера слегка разрядилась. Мы загрузились в джипы, и минуты три спустя были уже у правления. Здесь собралась приличная толпа народа, человек тридцать, но не наблюдалось ни суеты, ни лишнего шума. Больше половины из собравшихся внимательно слушали речь участкового, а остальные что-то решали с главой чрезвычайного совета. Среди последних я увидел и любителей фирменного виски – Андрея Петренко с его секретаршей Ленкой. На боковой улице стояли две фуры и тот самый фургон с молочной продукцией.

Мы остановились, по-быстрому переговорили с Федосеевым и с Антоновым насчёт рефрижератора, выгрузили оружие и вновь тронулись в путь. Свернули на грунтовку, оставили позади себя Данилово. Ехали довольно медленно, около пятидесяти километров в час, внимательно разглядывая всю округу. Ничего примечательного не видели, вокруг простирался типично российский ландшафт: зеленеющие поля, покрывшиеся молодой листвой деревья.

– Слышите? Что-то гудит, – неожиданно произнёс наш новый водитель, которого я сразу же посадил за руль. – Что-то знакомое...

– Тормози, – велел я, доставая рацию. – Парни, внимание!

Едва мы остановились, и я распахнул дверь, шум стал переходить в рёв, и из-за горизонта показался большой четырёхмоторный самолёт. Затопив всю округу рёвом своих двигателей,

реактивный лайнер прошёл прямо над нашими головами, держа курс на юг. Я сразу же обратил внимание, что шасси самолёта выпущены, чего, по идее, не должно быть в полёте.

– Евпатий-Коловратий! Да он же ищет, где сесть! – закричал мой напарник. – Вовка, эта дура сможет сесть только в одном месте – на шоссе! Надо срочно туда!

– Чёрт возьми, а капитан прав: этот летун ищет площадку, где бы приземлиться, – проводив самолёт взглядом, произнёс Еремеев. – Володя, а ведь он может и рухнуть, разбиться при посадке.

– (Цензура!) Млять, едем!!! Быстрее! – я прыгнул обратно в джип. – Гони, тёзка! Гони, как на ралли! Не жалея «мерс»!

– Сделаю, – отозвался Соловьёв, резко рванув с места. – Держитесь!

– Так, парни, я немного разбираюсь в этих леталках. Это был грузовой «семьдесят шестой» «ил», у которого экипаж человек десять, не более, – на ходу стал уточнять Ковалёв. – Ещё могут быть и пассажиры, и их может быть много, более сотни душ.

– Хорошо бы в нём не было пассажиров, капитан, – заметил Николай. – Если этот «горбатый» разобьётся, то нам придётся хоронить кучу народа. Не люблю я похороны.

– Эх, видел я в Афгане, как духи завалили на взлёте наш транспортник, – внёс свою лепту в разговор Владимир. – Рвануло так, что у нас все «сарбосы» по щелям попрятались.

– Хорош каркать, – оборвал я своих бойцов. – Думайте о хорошем, а не дурном. Не моделируйте всяких несчастий. Всё обойдётся, и «ил» сядет. Сядет, без вариантов.

Мы влетели в Данилово, словно ураган, сигналя, пронеслись по населённому пункту к выезду на шоссе. К счастью, никого не задавили, и вроде не перепугали до смерти. Народ уже смекнул, что вновь происходит что-то из ряда вон выходящее, но ещё не сообразил, чего конкретно следует ждать. А ждала нас аварийная посадка транспортного самолёта, которая вполне могла завершиться большим погребальным костром для его экипажа и пассажиров.

– Тормози, – скомандовал я, когда мы почти вырулили на трассу. – Так, он вновь разворачивается... Сделал уже два круга, пилоты осмотрелись, прикинули, что и как... Заходить, похоже, станет со стороны разбитой фуры.

– Надо отъехать на пригорок хотя бы метров на сто, – покрутив головой, произнёс Соловьёв. – Если он взорвётся сразу, то нас зацепит разлетающимися обломками.

– Давай отъезжай, тёзка, – я сразу же согласился с бывшим десантником.

Между тем огромный четырёхмоторный «ил» завершил разворот над морем, выровнялся по прямой и стал снижаться, идя на посадку. Мы безмолвно наблюдали, как лайнер сначала едва не чиркнул колёсами шасси по верхушкам деревьев чужого леса, а затем легонько коснулся асфальтового покрытия. Чуть подпрыгнул, снова коснулся земли, на этот раз окончательно, и понёсся в нашу сторону, почти не снижая скорости.

Здоровенная туша «семьдесят шестого» пронеслась мимо, оставив за собой запах палёной резины. Судя по всему, пилоты самолёта оказались опытными ребятами, имевшими опыт посадок на грунт. А ведь малейшая ошибка могла привести к соскакиванию машины с асфальта в чистое поле с непредсказуемыми последствиями.

– Он вроде уже должен был бы остановиться, – как-то неуверенно произнёс Михаил. – Обычно «илу» хватает каких-то тысячи метров для пробега, а тут отрезок почти в пару километров. Что-то не так.

– Скоро выясним, Миша, – пообещал я. – Всё, пора, едем за ним.

Мы сели в машины, вырулили на трассу и понеслись следом за «семьдесят шестым», который, как ни в чём ни бывало продолжал катить вперёд. До конца шоссе оставалось метров триста, и у меня даже зародилось подозрение, что лётчики уже не контролируют свой самолёт. Если это так, то транспортник вскорости выскочит за пределы импровизированной ВПП. Перед глазами моментально возникла картинка смятой в лепёшку кабины фуры, что валялась в лесу на противоположном конце шоссе.

– Он останавливается! Сразу у поворота трассы, почти у края леса, – эмоционально произнёс мой напарник. – Слава богу, лётчики погасили скорость!

– Давай, Володя, езжай прямо к хвосту, – скомандовал я, увидев, что в кормовой части самолёта раскрылись створки и стал опускаться въездной пандус. – Заедь слева от хвоста.

Мы остановились метрах в тридцати от «ила», выскочили из машин, бросились было к самолёту. Похоже, перестарались. Вид полудюжины автоматчиков, рысью бегущих к пандусу, здорово озадачил вышедшего нам навстречу мужика. В глазах лётчика промелькнул испуг, и он мгновенно поднял руки вверх.

– Не стреляйте! Сдаюсь! – крикнул пилот. – У нас нет никакого оружия! Мы – гражданский «борт»!

– Да, успокойся ты, никто и не думал в тебя стрелять, – на всякий случай я закинул «калаш» за спину. – Я – майор полиции Иванников, опер из Питера, а это мои люди. Кто вы, и как вы очутились возле Данилово?

– Данилово? Это та маленькая деревенька, что ли? – лётчик махнул рукой в сторону посёлка. – Я – бортинженер Сапрыкин. Мы вылетели из Архангельска с час назад, а потом... Не, пусть лучше командир сам всё расскажет.

Из чрева транспортника появились два новых действующих лица – высокий мужик средних лет в лётной форме и парень в камуфляжном комбинезоне. На секунду оба опешили, увидев наш «комитет по встрече», и на шоссе возникла небольшая пауза.

– Мужики, я не знаю, кто вы такие, где мы и вообще, что происходит, но сейчас не мешайте нам, ради бога, разгрузить самолёт! – очень эмоциональной скороговоркой зачастил высокий лётчик. – Сейчас сюда подойдут ещё два «борта» – все с пассажирами – и оба пойдут на посадку! А у меня внутри вездеход, десять тонн соляры, и у самого баки на три четверти полны керосином! Не дай бог, кто-то из иностранцев не сможет погасить скорость, и врежется нам в хвост!

– Так, парни, быстро убираем свои «джипы», – из быстрой речи пилота я сразу же ухватил главное – «ил» перевозил куда-то вездеход, дизельное топливо, а в небе вот-вот появятся два иностранных самолёта. Причём два пассажирских самолёта, битком набитые людьми, как те бочки сельдью. Впереди вновь замаячил призрак большого погребального костра. – А вы выводите свой вездеход и сами пулей дуйте вон отсюда!

– Я не могу! – отрицательно мотнул головой лётчик. – У меня в кабине сидит радист на связи с пилотами «Люфтганзы» и «Эйр-Франса» и выводит их сюда, на нас. Я не могу бросить Сашку, я должен быть рядом с ним.

Такой подход мне понравился. Сам едва разминувшийся со смертью лётчик ни за что не готов был оставить своего радиста одного, да ещё пытался спасти несколько сотен совершенно незнакомых ему людей.

– Как быстро подлетят оба лайнера? – сразу же поинтересовался я. – Сколько у нас есть времени?

– «Люфтганза» появится минут через пять, и у них ещё есть керосин, а «Эйр-Франс» идёт на остатках, и ему лететь минут десять-пятнадцать, – быстро уточнил пилот. – Я опасаясь, что «француз» не дотянет, а если и дотянет, то не сумеет сесть. Ему просто не хватит времени зайти на посадку.

– Я понял тебя, – кивнул я, протянув мужику руку. – Володя, Иванников, опер из Питера. Ехали на задание и застряли здесь, когда ЭТО произошло.

– Анисин, Юрий, из Мурманска, – мы пожали друг другу руки. – Мы взяли в Архангельске машину для Эм-Че-Эс, взлетели, и через полчаса произошло такое... В эфире чёрте что, все орут, ругаются, ни один диспетчер не отзывается... В общем, развернулись мы и пошли обратным курсом... Снизились, проббили облачность, чтобы искать место для посадки, и тут штурман увидел море... И деревеньку почти на берегу, и дорогу...

Пока Анисин сбивчиво и нервно рассказывал все подробности полёта, из чрева транспортного выполз вездеход. Да не просто вездеход, а гусеничная сочленённая машина повышенной проходимости. Я видел такой только по телевизору и хорошо запомнил две вещи: этот монстр отлично плавает, а соляру жрёт чуть ли не по десятку литров на каждый пройденный километр. Ну, что делать, если на нём стоит танковый движок, отличающийся повышенным аппетитом?

– Стоп, Юрий. Тот парень в комбезе – он из твоего экипажа? – перебил я словоизлияния лётчика.

– Нет, он из эмчезсников, специально прилетел в Архангельск за вездеходом, – уточнил пилот. – Я с ним перекинулся парой фраз при погрузке, и всё. Он с Колькой Сапрыкиным общался...

– Юрка!!! «Люфтганза» уже в двух минутах! – из фюзеляжа выбежал ещё один член экипажа – радист. – Мне давать добро на посадку?

– Уже иду, Саня, иду, – махнул рукой Анисин и повернулся ко мне. – Извини, опер, надо сажать «немца», а то ему тут капут будет. Чёрт, ещё и «Эйр-Франс»... С ним вообще полный абзац.

– Удачи, тебе, брат, – я лишь кивнул в ответ. А что ещё говорить? Сначала эти простые русские парни спасли самих себя, а теперь пытались вырвать из лап смерти ещё несколько сотен душ. Если смогут приземлить оба борта... Чёрт, а где же мы размещать пассажиров будем?

– Что там, Вова? – спросил меня мой напарник, когда я подошёл к своим. Рядом с парнями стояли двое членов экипажа транспортного, успевшие в двух словах рассказать о своих злоключениях. Здесь же топтался и эмчезсник в камуфляжном комбезе – водила сочленённого вездехода.

– Там задница, парни, – не стал скрывать я. – Либо наши посадят два буржуинских «борта», либо – нет. Будем надеяться на лучшее.

– Федосеев с участковым подъехали, – неожиданно произнёс Костя Григорьев. – Следом ещё деревенские подтягиваются.

Я оглянулся. Действительно, в полусотне метров от нас притормозила «нива», из которой вылез глава совета посёлка. Следом за ним из «уазика» повылезали Антонов с тремя вооружёнными мужиками. Со стороны Данилово показались ещё несколько машин, в том числе автоцистерна на шасси ГАЗа и похожий на «скорую» микроавтобус без мигалки. Оставалось лишь удивляться оперативности Федосеева, столь быстро организовавшего экстренный выезд необходимого транспорта.

– Товарищ Иванников, лётчики живы?! С ними всё в порядке?! – сложив руки рупором, прокричал глава совета.

– Да! Лётчики живы-здоровы! – обернувшись, прокричал я в ответ. – Сейчас будет садиться второй самолёт!

– Иностраный! Немецкой «Люфтганзы»! – добавил крику Еремеев. – Роман Георгиевич, езжайте сюда, не загораживайте полосу для посадки!

– Час от часу не легче, – буркнул стоявший рядом Ковалёв. – Тут не знаешь, как сам дальше жить будешь, так ещё и фашистов принесло на наши головы.

– Не бурчи, Миша, всё будет хорошо, – заверил я своего напарника. – Вовсе не факт, что в самолёте летят одни немцы. Там по нынешним временам всякий народ обретается. Да, и современные немцы нисколько не тянут на фашистов – сдулись ещё в сорок пятом.

– Вижу, летит, – произнёс Руденко. – На «два часа», со стороны мыса.

Все умолкли, повернувшись в указанном направлении. Я увидел маленькую чёрточку, которая приближалась, постепенно увеличиваясь в размерах. Послышался гул моторов. Спустил какое-то время рёв реактивных двигателей затопил всю округу, и в небе над Данилово

появился четырёхмоторный «боинг». Чуть накрываясь, самолёт совершил круговой облёт посёлка и освобождённого от машин отрезка трассы, а затем ушёл в сторону моря.

– Всё, присмотрелись, примерились. Сейчас развернутся и пойдут на посадку, – второй пилот «горбатого» комментировал нам действия своих иностранных коллег из «Люфтганзы». – Если промажут первый раз, то пойдут на второй заход. Мы два круга сделали, пока присматривались, а сели с первого же захода.

– А как же «француз»? – спросил я. – Для него хватит места, чтобы сесть?

– Не верю я, что «Эйр-Франс» дотянет до берега, – помрачнел лётчик. – У них керосина оставалось чуть-чуть, с гулькин нос.

«Боинг» действительно развернулся над морем, и, плавно снижаясь, выпустил шасси. Секунд десять мы наблюдали за идущим на посадку «немцем», пока из фюзеляжа «ила» пулей не выскочил его командир.

– Мужики!!! «Француз» передал, что топливо в ноль, но он видит берег и попытается дотянуть планированием! – подбегая, во всю глотку заорал Анисин. – Если повезёт – он сядет на воду у берега! Если нет... У вас лодки есть?!

Видимо, во взглядах почти двух десятков человек сквозило что-то такое, отчего лётчик мгновенно сник. Моментально понял, что мы ничем не сможем помочь погибающим в море людям, даже если очень захотим это сделать. У нас действительно не было лодок. Никаких, даже резиновых. Надо было пошуровать в закромах Еремеева, да кто же знал... Стоп, а если?

– Чего стоим, парни? – нарушил я всеобщее молчание. – У нас есть плавсредство амфибийного типа, которое годно для спасения на воде. А здесь останутся лётчики, ополченцы и гражданские добровольцы.

– А если он разобьётся? – спросил Руслан, указав рукой в сторону садящегося «боинга».

– А если он разобьётся, то мы ничем ему не поможем, Рус, – ответил я. – У нас нет ни пены для тушения такого пожара, ни бригады медиков для оказания помощи пострадавшим. Судьба «немца» в руках его же пилотов. Всё, поехали. Джипы оставим здесь, они через обрыв не пройдут... Тебя как зовут-то, «танкист»?

– Марк, – нервно затягиваясь сигаретой, отозвался водитель вездехода. – До сих пор не верю, что мы в другом мире... Хотя сам же видел море из иллюминатора...

– Видел? Ну, скоро ещё и прогуляешься по здешней ривьере, – произнёс я. – Давай, Марк, садись за руль и вези нас на пляж. Может, и получится спасти кого-нибудь из «французов».

Мы погрузились в вездеход – походу, узнали, что он называется ДТ-10П «Витязь» – и двинулись на нём в сторону моря. По моим прикидкам, от этого конца трассы до моря нам надо было проехать около километра, и большая часть маршрута пролегла по «нашей», по российской земле.

Как приземлился самолёт «Люфтганзы», мы толком и не видели. Позднее из рассказов ополченцев узнали, что «боинг» с трудом удержался на прямой, едва не выскочив в чистое поле. Причиной этого стало разрушение резины на одном из шасси самолёта, или как там эти колёса называются. В общем, «боинг» всё-таки припарковался в сотне метров от нашего «ила», и его пассажиры чуть ли не хором благодарили Бога и мастерство пилотов. А затем им и вовсе открылась сногшибательная новость – вылетев из Гамбурга, они прилетели в другой мир.

Тем временем мы быстро проехали несколько сотен метров родных полей и зарослей кустарника, объехали берёзовую рощицу и пересекли границу между двумя ландшафтами. Впереди простиралась примерно стометровая полоса чужого леса, обширный пляж, за которым синело ласковое и тёплое море. Почти сразу же нам пришлось спешиться, чтобы заняться поисками пути для нашего «витязя» – чужие деревья росли столь плотно одно к другому, что невозможно было проехать напрямую. И хотя эти поиски отняли у нас совсем немного времени, мы упустили сам момент появления в небе французского «аэробуса». У самолёта уже закончилось топливо, заглохли двигатели, и он тихо планировал в сторону спасительного берега.

– Мля! Смотрите! Лайнер падает! – Владислав первым заметил появление «француза». – Мужики, что делать?

– Да ничего, – с чувством сплюнул Саша Барулин. – Мы тут – всего лишь статисты, ничем не способные ни помочь, ни помешать. Будем смотреть, и всё.

И мы смотрели, позабыв и про урчащий за нашими спинами вездеход, и про всё остальное. Ибо не каждый день представляется шанс увидеть аварийную посадку на воду современного пассажирского лайнера. И не каждый день удаётся стать свидетелем настоящего чуда, совершённого пилотами этого лайнера. Действие происходило несколько в стороне от нас, и мы не опасались за свою безопасность.

Подняв тучи брызг, здоровенная машина коснулась водной поверхности, а затем понеслась к берегу, гоня перед собой небольшое цунами. Самолёт напоминал взбесившуюся подводную лодку, с какого-то перепуга решившую выброситься на берег. Он и выбросился на берег, со скрежетом обшивки, с хрустом набора корпуса. Словно кит, «аэробус» выскочил на береговую отмель примерно в полукилометре от нас и замер, слегка приподняв нос.

– Кхм... Костя, Толик, идите, ищите проход для «витязя», – прочистив горло,скомандовал я. – А мы идём к самолёту...

Когда мы оказались у «аэробуса», его уже вовсю покидали первые спасшиеся. Одни просто выбирались через аварийные люки на крылья самолёта, а затем прыгали в воду и вплавь добирались до берега. Другие съезжали вниз по надувным трапам, сразу же оказываясь в водной стихии, и также плыли к пляжу. По белоснежному песку бродили несколько человек, первыми преодолевшие вплавь около двух десятков метров до мелководья.

Нас встретили с опаской, косясь на оружие, задавая вопросы на нескольких европейских языках. Затем до пассажиров «Эйр-Франса» дошло, что здешние аборигены ни бум-бум ни на языке Мольера, ни на языке Сервантеса, ни на языке да Винчи. Перешли на язык Байрона, которым немного владели капитаны Барулин и Зеленцов. Руслан отлично знал немецкий, и вскоре над пляжем разносились рубленные фразы на языке Гёте и Шиллера. В общем, хоть и с трудом, но нам удалось объяснить спасшимся, что мы не собираемся никого грабить и убивать.

В этот момент показался долгожданный вездеход, и народ стал соображать, что к чему. «Витязь» притормозил, подобрав меня, Николая и Михаила, а затем двинулся к застрявшему на мелководье «аэробусу». Вездеход подошёл к самолёту, причалив к его крылу, словно заправский буксир. Мы осмотрелись и поняли, что можно принимать людей прямо с крыла. Навскидку подсчитали, что придётся сделать не менее пяти рейсов, чтобы вывезти всех. Делали четыре, так как сохранившие силы и умевшие плавать люди добирались до берега самостоятельно. Нам помогали пилоты и экипаж, а также несколько добровольцев из числа пассажиров. Вывезли всех, последним рейсом забрав пару пилотов и двух симпатичных стюардесс.

Пока мы занимались эвакуацией, наше капитанское трио пыталось хоть как-то организовать пассажиров на берегу. Увы, нисколько не преуспев в этом по причине отсутствия синхронного перевода на несколько языков сразу. Парни с трудом «держали оборону» под градом вопросов наших соотечественников, коих набралось около полусотни.

Горячие иностранцы-южане протискивались сквозь плотный круг русскоязычных, почти сразу же упираясь в языковой барьер, не имея ни единого шанса вставить хоть слово. Самые умные и терпеливые пассажиры-иностранцы бросили бесплодные попытки перекричать толпу и просто сидели на песочке, наслаждаясь самой возможностью вдохнуть свежий воздух. Другие просто рассеянно бродили по берегу и мелководью, а несколько женщин уже набрали целые горсти крупного янтаря. В общем, все снимали стресс, как могли.

Международное общение наладилось, когда вездеход завершил свой последний рейс, а сквозь толпу пробилась рыжеволосая девица в промокшем насквозь платье. Марина, как звали эту девушку, не стала дожидаться, когда её снимут с крыла, и самостоятельно добралась до берега. Она прекрасно говорила на четырёх языках, не считая родного русского.

В процессе эвакуации выяснилось, что Марк также отлично владел английским. Это его знание здорово помогло нам, когда мы снимали людей с крыла. Теперь эмчеэсник покинул кабину «витязя», чтобы вновь помочь с переводом.

Имея пару хороших переводчиков, мы быстро переговорили с пилотами, выяснив основные моменты из приключений их «аэробуса». Попутно и вкратце обрисовали свою собственную поездку, окружающую нас местность, не стали скрывать, что практически ничего не знаем о новом мире. Лётчики с лёгкостью выдержали шоковый информационный удар, заявив, что после их злоключений им даже сам чёрт не брат.

Как я и предполагал, самолёт А-320 авиакомпании «Эйр-Франс» выполнял рейс в Питер, когда произошло НЕЧТО. Сначала на пару секунд отказали все приборы, а затем выяснилось, что нет ни связи с землёй, ни навигации, и вообще лайнер летел над морем. Море должно было остаться далеко позади, и в первые минуты после катаклизма пилоты едва не сошли с ума. Затем лётчики взяли себя в руки, зашарили по эфиру, и – о, чудо! – вышли на связь с «боингом» «Люфтганзы», который находился в аналогичной ситуации. Полёт вслепую продолжался, «аэробус» тратил драгоценное топливо, среди пассажиров возникла паника.

И здесь произошло первое чудо: в эфире появился ещё чей-то голос, сообщивший, что он идёт над землёй и ищет место, где сесть. Это оказался наш «ил», вылетевший из Архангельска. Ещё через пять минут русский радист передал, что, похоже, нашёл место для посадки. У экипажа «Эйр-Франса» появилась надежда, и они смогли-таки вытащить счастливый билет!

Дело в том, что первый пилот Серж Ориоль начинал свою карьеру во французском военно-морском флоте, летая сначала на «этандарах», а затем и на более современных «рафалях». Выйдя в отставку, Серж так и не смог жить без неба и нашёл себе место в «Эйр-Франс». Второй пилот – Люк Бросьер – также имел армейское прошлое, и даже воевал на «миражах» в Персидском заливе во время первого конфликта с Саддамом.

Эти два «милитари», как их прозвали коллеги по цеху, смогли сотворить второе чудо – дотянуть до спасительной суши и благополучно приводнить лайнер. Обошлось без человеческих жертв, синяки, ссадины и прочие бытовые мелочи были не в счёт, так как по признанию самого же Сержа, он вообще не надеялся остаться в живых.

Тем временем мои капитаны слегка охрипли, пытаясь перекрыть толпу, и основная масса народа потихоньку начала волноваться. Поэтому я взобрался на крышу кабины вездехода, а парни буквально закинули туда же взвизгнувшую Марину. Мышкин (фамилия Марка) передал мне мегафон, найденный в кабине всё того же «витязя». Следом за мной наверху оказались настоящие герои этого дня – Серж Ориоль и Люк Бросьер. Оба лётчика очень быстро сообразили, что мир изменился кардинально, и теперь помогали мне, как могли.

– Леди и джентльмены! Чтобы предотвратить трату времени с вопросами и ответами, я сейчас расскажу вам всё, что произошло с нами! Я расскажу всё, что видел и о чём мне известно на данный момент, – я передал мегафон Марине, и та перевела мои слова на четыре языка. Молодец, девочка. Затем мне вернули мегафон, и я продолжил повествование.

Вероятно, мне можно было и не вещать всей толпе на русском, так как среди пассажиров было более четверти русскоязычных, судя по всему, хорошо знающих иностранные языки. Мог бы диктовать вполголоса, а Марина бы в точности перевела мои слова. Но я решил говорить на родном языке, чтобы наши соотечественники быстрее въехали в ситуацию.

Мой рассказ с переводом на четыре языка затянулся примерно на час, и пассажиры «аэробуса» постепенно вникали в происшедшее. Как я и предполагал, реакция большинства спасшихся оказалась вполне предсказуема – люди плакали, даже рыдали, многие мрачнели, несколько женщин ударились в истерику. Одна дамочка ринулась было утопиться в море, но ей не позволили этого сделать, вытащили из воды.

Я понимал, что в подобном состоянии люди могут натворить глупостей, но заранее решил ничего не утаивать, в том числе и своих мыслей и догадок о катаклизме. Поэтому высказал все

идеи о происшедшем, которые только пришли мне в голову. Надо сказать, что это подействовало. Очень многие пассажиры рейса «Эйр-Франс» стали постепенно приходить в себя и задавать вполне конкретные и осмысленные вопросы. Вместо вектора «что стряслось и кто виноват» в мыслях людей постепенно появилось направление «что делать, чтобы жить дальше».

Здесь очень своевременно подключились Серж и Люк, пилоты «аэробуса», которые плавно перешли к делам практическим. Офицеры чётко и ясно обрисовали круг задач, стоящих перед людьми в экстремальных ситуациях, начиная прямо от момента спасения. Лётчики буквально излучали спокойствие и уверенность, которые сначала передались остальным членам экипажа, а затем и пассажирам.

Люди зашевелились и принялись организовываться для спасения багажа, съестных запасов и прочих материальных ценностей. Какая-то часть пассажиров – в основном женщины – всё ещё никак не пришли в себя, и их просто отвели в сторонку, посадив на песочек. Пара добровольцев и одна стюардесса остались присматривать за этими людьми, чтобы те не натворили глупостей.

– Марина, а вы вообще кто по специальности? Переводчик? – уловив момент, поинтересовался я профессией рыжеволосой девицы.

– Да, я работаю переводчиком, у меня высшее филологическое образование, – ответила Марина, тряхнув мокрыми прядями своих волос. – Возвращалась домой из командировки в Париж, и теперь не знаю, что дальше делать. Дома остались мама, сестра, друзья. Даже не знаю, живы ли они, и есть ли вообще мой дом.

– Будем надеяться, что живы, – как известно, железо надо ковать, пока оно горячо. – Марина, я бы хотел сделать вам предложение...

– Неужели руки и сердца? А не рано ли, товарищ Иванников? – стрельнув глазками, рассмеялась девица. – Извините, это всё нервы...

– ...Два предложения... Второе – чисто деловое: нам в команду срочно нужен собственный переводчик. Спокойной жизни не обещаю, а приключений на одно место гарантирую очень много. – Я не люблю, когда меня подначивают, сразу перевожу разговор на иной уровень: – Первое – почему бы и нет? Предлагаю вам руку и сердце, а заодно и всё остальное, в комплекте. Как, согласны?

– Переводчиком пойду. А насчёт первого предложения – прошу дать время подумать, – похоже, Марина сама не ожидала от меня такой прыти на свою шутку и теперь спешно включила обратный ход.

– Думайте, красавица, но недолго, – чуть улыбнулся я, скосив глаза на весьма ладную фигурку девушки в мокром платье. – Кто знает, что ждёт нас за поворотом?

– Володь, хорош барышню охмурять, – захохотал внизу Еремеев. – Давай слезай с крыши, и Марину свою снимай. Наш «витязь» нужен у самолёта, там глубина почти в два метра, и Сержу без машины никак.

Ну да, пока я делал девушке предложение – или она сама на него напрашивалась, – крышу кабины покинули оба пилота, и вместе с наиболее активными пассажирами стали планировать дальнейшие действия. Что и как эвакуировать в первую очередь, что потом, куда складывать и т. д., и т. п. Вокруг Зеленцова и Барулина вновь образовалось кольцо из наших соотечественников, продолжавших выведывать информацию на родном языке. Владислав отвечал на вопросы, а Саня переписывал персональные данные людей в свой блокнот. Молодцы, парни, знают своё дело.

С другой стороны, это как-то неправильно, когда одни работают, а другие языки точат. Вон, Серж и Люк уже человек двадцать мужиков собрали и в вездеход грузятся. И Толик с Костей в той же команде, готовые спасать из морской воды материальные ценности. А Николай вообще в своей стихии, словно опять попал на границу: сыплет шутками, ободряет, готов лезть хоть к чёрту на кулички.

– Так, граждане, кто хочет поработать? – произнёс я легендарную фразу, подойдя к капитанскому трио. – Что смотрите? Капитализм накрылся медным тазом, и дерьмократия с дармоедством вместе с ним.

– Всё верно, Володя, – одобрительно кивнул Владислав. – Давайте, граждане, кто в силах, идёте с нами разгружать самолёт. А остальные помогайте здесь, на берегу.

Пара десятков наших соотечественников тотчас признали правоту и справедливость моего предложения. Правда, нашлись и такие, кто скривил рожу, но был вынужден подчиниться воле большинства. Я потихоньку присмотрелся к шестерым, почему-то не внушавшим особого доверия.

Ну да, пара из них, похоже, из бывших «братков», причём явно из низов. Постарели, погрузнели, а ума так и не прибавили. Трое похожи на чинуш разного ранга или ещё каких-то кабинетных лакеев. Последняя – тощая дамочка лет чуть за тридцать – внешне смахивает на фотомодел, а повадками напоминает «бабу Леру»: бухтит много и не по делу. Ну, заодно и выискивает самого крутого «альфа-самца» в округе, чтобы пристроить свой тощий зад.

Как известно, работа спорится, когда на неё наваливаются всем миром. Вот и разгрузка «аэробуса» пошла полным ходом, когда за дело взялись почти шесть десятков мужчин и несколько женщин. Люк Броссьер и стюардессы указывали, что брать и снимать, а народ это всё вытаскивал, складировал на крыле, грузил в вездеход. Отдельная команда во главе с Сержем Орионом занималась подъёмом и эвакуацией багажа, для чего им пришлось вскрыть часть пола в пассажирском отсеке.

Когда мы выгружали первый рейс, на берегу неожиданно появился старший лейтенант Антонов с пятью даниловскими ополченцами, Юрием Анисиним и с радистом «семьдесят шестого». Оказалось, что пассажиры немецкого «боинга» уже отправлены в посёлок, где их планируют разместить в школе и в детсаду, а Федосеев обеспокоен нашим отсутствием. Поэтому глава и послал участкового с небольшим отрядом на разведку к морю, чтобы узнать, куда это мы запропастились.

– Ну да, рации-то у Федосеева нема, – прокомментировал я нашу же оплошность. – Чёрт, как-то не подумал второпях... Как там, с пассажирами «Люфтганзы», всё хорошо? Живы?

– Да, живы-здоровы все, что им станется, – пожал плечами Евгений Миронович. – У нас, товарищ майор, иная беда – убийство у нас.

– Убийство? Кто-то из прилетевших сошёл с ума, что ли? – нельзя сказать, что бы я удивился такой картине. – Или кто-то из деревенских набедокурил?

– Нет, наши поселковые сидят тихо, – ответил участковый. – Убийство произошло на хуторе фермера Макеева. Кто-то убил его жену и старшую дочку. Сын убежал, но, похоже, так перепугался, что повредился рассудком. Сам Сашка с утра раннего работал в поле, а потом поехал домой, встретил по дороге сынишку... Доехал до дома, а там... В общем, приехал Макеев в Данилово и рассказал всё, что смог.

– Что-то ещё, Евгений Маркович? – поинтересовался я, видя, что Антонов чего-то недоговаривает, мнётся.

– Место там нехорошее, где живёт Саня Макеев, – поёжился участковый. – Старое кладбище рядом, и болото недалеко... Старики сказывали, что место то нечистое...

– Кхм... Товарищ старший лейтенант, а про это море старики ничего такого не сказывали? – я отступил, давая Марковичу возможность полюбоваться водной гладью. – Так... От Данилово до дома Макеева сколько будет?

– Вёрст восемь, не меньше. А до кладбища все одиннадцать будет, – прищурился Антонов. – Товарищ майор, а этот «боинг» без жертв сел или есть пострадавшие?

– «Аэробус» это, европейского производства, – уточнил я уже не особо существенную деталь авиастроения. – Я и сам до сих пор не верю, что «Эйр-Франс» сел вообще без жертв... Юра, Анисин, давайте к нам! Познакомлю с коллегами...

Незаменимый «витязь» вновь доставил нас к лайнеру, где я представил французам двух лётчиков «ила» – командира корабля Юрия Анисина и радиста Сашу Соломатина. Как только Серж с Люком узнали, кто именно стоит перед ними, мгновенно возникло стихийное ликование. Со свойственным французам темпераментом пилоты «Эйр-Франса» объяснили пассажирам, что именно эти русские парни вывели их к земле.

Юрия и Александра сразу же подхватили на руки, стали качать, едва не сбросив в воду. Затем каждый, кто находился поблизости, счёл своим долгом пожать руку или похлопать по плечу русских лётчиков. Вызвавшиеся помогать с работами на борту «аэробуса» женщины буквально взасос расцеловали Анисина и его радиста.

– Во дают! Обзавидоваться можно! – восхищённо прокомментировал этот момент Еремеев. – А на берегу их ждут ещё с полсотни благодарных дамочек!

– Николай, ты знаешь, где хутор фермера Макеева? – поинтересовался я более злободневным вопросом.

– Да, конечно. Был там всего разок, но дорогу помню, – обернулся ко мне мой бывший однополчанин. – А зачем тебе, Володя?

– Убийство у нас. Как раз на том хуторе, – я вкратце поведал Николаю и своим товарищам историю происхождения со слов участкового. – Поэтому надо собираться и выдвигаться. Вот, думаю, кого здесь оставить?

– Кого-кого, молодых, конечно, – глазом не моргнув отозвался Руденко. – Здесь надо пахать, а мы, старики, уже не в состоянии таскать разные чемоданы.

Парни заржали над очередным приколом со стороны «старика» и ловеласа Руслана. Я лишь покачал головой, и посмотрел на гору мокрых чемоданов. Не много мы их и натаскались, если честно. Практически всю работу делали сами спасшиеся.

– Хорошо. Вот ты, Рус, здесь и останешься. Вместе с Костей, Толиком и Марком, – решил я. – Присматривайте тут, что и как. Если что, то связь по рации. Надеюсь, они достанут до хутора фермера Макеева.

Затем я переговорил с Сержем и Люком, которые фактически командовали операцией по извлечению материальных ценностей из фюзеляжа «боинга». Объяснил, что с частью людей вынужден покинуть место приводнения, чтобы заняться своей прямой полицейской работой. При этом оставляю пассажирам вездеход с полной командой, обоих русских пилотов и переводчицу Марину впридачу. Последняя, кстати, после сделанного ей предложения стала меня немного сторониться. Видимо, испугалась идти работать в одну команду к дюжине brutальных мужиков звероватого вида. Хотя, подозреваю, что парни бы с неё сдували пылинки и на руках носили.

Оказавшись на берегу, я подозвал участкового и попросил его организовать питание и дальнейшую эвакуацию людей с берега. Антонов ответил, что глава администрации уже извещён обо всех нюансах, и вскоре на берег прибудет необходимая техника. Действительно, вдалеке слышался рёв тракторного двигателя, проделывающего проход сквозь чужой лес. Как оказалось, пока мы общались с французами, участковый послал двух ополченцев обратно, чтобы те сначала показали дорогу бульдозеристу, а затем обо всём известили бы Федосеева.

Чтобы вернуться к своим джипам, мы решили немного срезать, пройдя напрямик через чужой и свой лес. Попутно обменялись мнениями обо всём увиденном и происшедшем. Пока шли, я обратил внимание, что и мой тёзка-дальнобойщик и Николай как-то незаметно влились в наш коллектив. Даже мой напарник капитан Ковалёв перестал коситься в сторону Еремеева, и в голосе Михаила более не чувствуется сарказма, когда он перекидывается парой слов с бывшим пограничником. Соловьёв же вообще словно всегда работал с нами – мгновенно соображал и понимал практически с полуслова.

Выйдя к машинам, сообщили бортинженеру «ила» Сапрыкину, что с его товарищами всё в порядке, и поехали в Данилово. Проезжая мимо «боинга», помахали руками пилотам

«Люфтганзы», с дюжиной мужиков – скорее всего, из пассажиров – разгружавшим багажный отсек самолёта. Рядом с лайнером стояли два грузовика, чуть поодаль топтались трое ополченцев с ружьями – охрана, типа.

Заскочили к правлению, я пробился сквозь толпу местных жителей и коротко известил Федосеева обо всём происшедшем на берегу. Затем заехали в поместье Еремеева, похватили с кухни съестное, которое можно было употребить сухим пайком. Николай дал ЦУ охраннику, приказав тому использовать в случае надобности навороченный «хаммер» своей уже бывшей подруги. Затем мой бывший сослуживец приволок откуда-то из загашника целых три рации, «моторолы», новенькие, в упаковке.

– Мужики, не ругайте зазря! Старый стал, и совсем забыл про энзэ, – демонстративно хлопнув себя по лбу, Николай протянул одну рацию Соловьёву. Вторую забрал себе, а последнюю отдал охраннику. Настроили частоту, проверили, поговорив с группой Руденко – есть связь, работает. Сели в джипы и поехали забирать от родственников фермера Макеева.

И без того сильно возбуждённый и убитый горем Макеев успел принять на душу и оказался никудышным свидетелем. Учитывая его состояние, я бы не рискнул брать у него показания даже в обычной ситуации. В общем, вдребезги пьяный фермер так ничего толком и не смог объяснить, а его сынишка лет восьми смотрел на нас василькового цвета глазами и молчал. Молчал, никак не реагируя ни на мои вопросы, ни на вопросы своей родной тётки. Да, испугался мальчишка страшно, и боюсь, как бы ни на всю жизнь.

По пути к хутору мы перекусили на ходу, чем бог послал, запив это дело импортной минералкой из буржуйских запасов Еремеева. Николай сидел рядом со мной, показывая дорогу. Пока ехали, мы не заметили ничего примечательного или необычного вокруг разбитого тракторами просёлка. Обыкновенный ландшафт северо-запада России, ничем не примечательные пригорки, рощи, поля, кустарник. Всё, как всегда... Хотя нет – в дополнение к родным пернастым появились какие-то ярко раскрашенные пичуги.

По совету Николая остановились у одной из рощиц, не доехав около полукилометра до искомого места. Оставив джипы, изготовили оружие к бою и двинулись вперёд двумя тройками. Я действовал вместе с Ковалёвым и моим старым армейским сослуживцем.

Вскоре впереди показались крыши строений – жилого дома и трёх сараев, – и мы стали обходить постройки, чтобы зайти с флангов. Используя складки местности, подобрались практически к самому дому, осмотрелись. Вокруг стояла абсолютная тишина, было даже слышно, как жужжат мухи, пригретые совсем не весенним солнцем.

– Володя, глянь, – прошептал мне на ухо Еремеев, стволом «калаша» указав направление. – Справа, у ворот сарая.

Я присмотрелся: у распахнутых настежь ворот сарая лежала какая-то бурая масса, и над ней висело целое облако мух. Взяв протянутый Ковалёвым бинокль, вновь взглянул в сторону сарая. Оказалось, что мы наблюдали за растерзанной коровьей тушей. Чуть высунувшись из-за угла, принялся рассматривать фасад дома и заметил чуть приоткрытые входные двери.

– Идём уступом, смотрите за окнами и флангом, – немного поразмышляя, я решил не мудрствовать лукаво, а положиться на детище Михаила Калашникова. В три ствола мы уделали бы любого, кто сунулся супротив.

Как я и предполагал, в нас никто не стрелял, не кидал гранат и вообще нас никто не видел. Рывком преодолев полтора десятка метров до дверей дома, мы замерли, парни взяли на прицел окна, а я потянул за ручку.

Интуиция подсказывала, что нам не стоит ждать растяжек и прочих сюрпризов в стиле духов.

Коридор – или, как иногда говорят в деревне, сени – оказался чист. Заглянув в кухню, увидел лежащее на полу в луже крови тело женщины лет тридцати-сорока. Дальше, в столо-

вой, обнаружилось тело девушки, примерно подросткового возраста, с перекушенной шеей и множеством рваных ран на теле. Затем мы осмотрели две спальни и ещё одну комнату. Пусто.

– Володя, не стреляйте, мы входим, – чуть слышно прохрипела рация. По характерному оканью я узнал голос капитана Барулина. Двери распахнулись, и в дом ввалилась наша вторая тройка.

– Там, в хлеве, остатки пиршества какого-то крупного зверя, – утирая лоб, произнёс Зеленцов. – Сожрал трёх свинок и не подавился, гад.

– А ещё и корову задрал, и хозяев заодно прикончил, – добавил я. – На кухне и в зале есть пара характерных отпечатков следа. Я не специалист, но, полагаю, что мы имеем дело с крупным хищником из семейства кошачьих.

– Да, это напоминает след снежного барса, – присев у кровавого отпечатка лапы, Николай зачем-то потрогал отпечаток, понюхал пальцы. – Думаю, это был самец.

– Вроде там, у хлева были более мелкие отпечатки, – присмотревшись, произнёс Владислав. – Саня, иди сюда, глянь.

– Это могла быть пара хищников, например, самец со своей самкой, – предположил Соловьёв. – Убили хозяев, а затем слопали хрюшек. Потом ушли своей дорогой.

– А мальчишка как уцелел? – подумав, спросил Еремеев. – Где он был? Когда и как он успел сбежать?

– Думаю, если он сам не расскажет, то мы никогда об этом не узнаем, – заметил Ковалёв. – Жаль, что у нас нет служебной собаки.

– Кстати, о псах. Николай, а у хозяев была собака? – поинтересовался я данной деталью.

– Да не помню я, Володя, – пожал плечами мой бывший однополчанин. – Вроде был какой-то кабысдох, гавкал на всех приезжих.

– Пойдём, парни, глянем во дворе, – кивнул я на двери. – Ключом не щёлкать, варезку не разевать. Смотрим в оба: твари могут быть где-то здесь, поблизости.

Внимательно осмотрев двор, мы быстро нашли за тракторным прицепом собачью будку. Рядом с нею благоухала целая гора, пардон за натуральность, самого обыкновенного дерьма. Судя по всему, кто-то из вольных лесных хищников таким образом выразил своё презрительное отношение к собачьему племени. Поблизости не оказалось ни самого пса, ни его останков. Видимо, перетрусивший собакин сбежал куда глаза глядят.

– Володя, тут есть следы, две пары. Тянутся в сторону тех кустов, – отойдя чуть в сторону, Зеленцов мигом нашёл путь отхода пришлых хищников. – Что делать будем?

– Пройдём... Нет, проедем по следу, если получится, – немного поразмыслив, решил я. – Думаю, зверушки не рискнут связываться с двумя воняющими химией «мерсами». Если нападут – стреляйте сразу и без команды.

Мы вернулись к оставленным на подъезде к хутору машинам, сели в джипы и поехали, ориентируясь по хорошо видимым отпечаткам здоровенных кошачьих лап. Вломились в заросли малинника, миновали полуразвалившийся сарай. Раза три пришлось спешиваться, чтобы уточнить направление дальнейшего движения. А потом...

– Вот, тебе, бабушка, и Юрьев день, – пробормотал я, глядя с двухметрового обрыва на абсолютно чужой лес. – Готов биться об заклад, что наши киски пришли отсюда и сюда же свалили, хорошо закусив сладенькими хрюшками.

– Мужики, да хрен с ними, с хищниками, – полностью убитым голосом произнёс мой напарник. – Мы находимся точно к северу от Данилово. Вы понимаете, что это значит?

Риторический вопрос Михаила повис в воздухе. И мне, и остальным парням стало окончательно понятно, что Данилово с его ближайшими окрестностями угодили в совершенно иной мир. В мир, где бродят здоровенные хищные кошки и хрен знает сколько ещё опасных зверушек. В мир, где нам могут встретиться какие-нибудь дикари, неандертальцы, питекантропы,

ушастые эльфы с зелёными гоблинами, наконец. И мы оказались один на один с этим незнакомым и пугающим миром.

– Здесь должно было быть старое кладбище, а где-то за ним начиналось болото, – нарушил молчание Еремеев.

– Ладно, парни, хорош раскисать, – я лихорадочно соображал, чем бы занять ребят, чтобы те не гоняли в мозгах дурные мысли. – Пошли-ка, оформим место происшествия как полагаются. И надо бы погибших прибрать, завернуть во что-нибудь, чтобы увезти их тела в Данилово.

– Володь, да ты чего, всерьёз собрался писать протокол? – искренне удивился Зеленцов. – Нафига, а?

– Влад, мы здесь – единственная реальная власть. А если мы власть, то должны следовать определённому установленному порядку. Порядок таков: надо запротоколировать всё, что здесь произошло, – ответил я. – Поймите, парни, на нас с вами смотрят все даниловцы, оценивают наши действия и по ним судят о нас как о людях.

– Ты прав, Володя. Наступило время, когда каждого оценивают не по пустопорожнему трёпу, а по делам его, – поддержал меня Саша Барулин. – На нас действительно все смотрят, и не только даниловцы. Спасшиеся пассажиры скоро придут в себя, и им тоже придётся решать, каким макаром жить дальше.

– А мы можем организовать разведку местности там? – неожиданно спросил отмалчивавшийся до этого Соловьёв, указав стволом «калаша» на чужой лес. – Да, да, там, за границей «нашей» земли.

– Наверное, можем, – неуверенно предположил я. – У нас есть вездеход...

– Молоток, Вовка, возьмём «витязя» и сгоняем на нём «за ленточку»! – Николай, похоже, готов был запрыгать от радости от столь неожиданной идеи. – Володя, парни, мы должны, ну, просто обязаны сходить в рейд по тому лесу. Надо хотя бы узнать, каких ещё тигров нам ждать в гости.

– Хм... Проще убрать с шоссе немецкий «боинг» и провести воздушную разведку с борта нашего «ила», – заметил Ковалёв. – Уверен, что увидим и узнаем столько, что мало нам не покажется.

– Миша, ты гений, – искренне обрадовался я. Обрадовался не только самой идее, но и тому, что мой напарник взял себя в руки. – Анисин говорил, что у них в баках осталось где-то три четверти от изначального запаса керосина.

– Погодь, капитан, а как ты столкнёшь «немца» с трассы? – очень удивлённым тоном спросил Еремеев.

– А нафига его вообще куда-то сталкивать? Надо всего лишь развернуть «боинг» на месте, а затем отбуксировать его к противоположному краю шоссе, – пожал плечами мой напарник. – Думаю, что трактора в поселке найдутся, да и Владимир может отцепить свой холодильник.

Таким образом, перед нами забрезжила ближайшая тактическая задача. Мои опера заметно приободрились, на их лицах появились пока ещё немного кисловатые улыбки. Что же, мужики по натуре своей так устроены, что не усидят на месте, если придумают, как им заглянуть за горизонт. Хотя бы за ближайший.

Мы возвратились на хутор, нашли в багажнике моего джипа стопку бумаги и занялись протоколированием трагедии. Переснимали на два «айфона» всё, что смогли, с разных ракурсов. Пошуровав по дому и по сараям, парни нашли приличный кусок брезента, разрезали его, упаковали тела погибших.

Затем попытались связаться по рации с группой Руденко и с усадьбой Еремеева. Первая попытка оказалась неудачной, видимо, мы вышли из зоны действия своих раций. Тогда Михаил предложил отъехать на пару километров в сторону Данилово, найти холмик повыше

и попробовать ещё раз выйти на связь. Так и поступили, отправив в вояж на моём «мерсе» Соловьёва на пару с самим инициатором идеи.

Спустя примерно минут сорок пять «связисты» возвратились с весточкой от наших товарищей. Оказалось, что группа Руденко завершила операцию по помощи французам и поступила в распоряжение главы администрации. Руслан организовал по рации разговор с главой, и Федосеев пообещал, что скоро вышлет грузовик с ополченцами, чтобы забрать тела погибших. А нас попросил заглянуть в Замятино, чтобы защитить тамошних обитателей от возможного нападения чужих хищников.

Действительно, через какой-то час послышался рокот мотора, и на хутор прибыл грузовик с четырьмя вооружёнными дядьками в кузове. Пятый – водитель – не имел никакого оружия, кроме топора под сиденьем. Глянули мы на стволы сельчан и покачали головами. Никто не спорит, что, к примеру, «сайга» хороша против хищников наподобие волков и медведей. Наших, земных волков и медведей. А можно ли из неё подстрелить шустрого тигра размером с лошадь? Может, и можно, но лично я считаю, что для такого зверя лучше припасти пулемёт. Либо что-то реально солидное и дальнобойное, крупнокалиберную винтовку, например.

Приехавшие мужики были вооружены двумя карабинами «сайга» и парой гладкоствольных ружей, годных, скорее, для охоты на уток, чем на кого-то более серьёзного. Мы разговорились с ополченцами, пока совместно грузили тела, выяснив, что участковому удалось мобилизовать всего лишь двадцать два человека добровольцев, которые имели собственное оружие. Причём пятеро из этих рекрутов пришли с нелегалом, поверив, что мир изменился, и менты никого не тронут.

Ну, плюс ещё три наших «ксюхи», и три «помпы» в подарок от Еремеева – ещё шесть стволов, которые Антонов выдал надёжным людям. Кроме этого, два старика совсем уж непризывного возраста пожертвовали односельчанам пару столь же древних дробовиков. Итого даниловское ополчение насчитывало три десятка бойцов. Негусто. Да и с боекомплектom, похоже, ожидался серьёзный напряг.

Мы покинули злополучный хутор следом за грузовиком, какое-то время ехали вместе с ним в одном направлении, а затем свернули на другой просёлок. Николай уверял, что по этой дороге мы быстро приедем в Замятино. Заодно посетим по пути одну из заброшенных деревенок, от которой остались лишь жалкие развалины.

Проехав километра полтора по лесной дорожке, увидели впереди покосившиеся бревенчатые стены скособоленной избы, без окон, без дверей. Рядом стоял сарай с рухнувшей крышей. Затем проехали мимо ещё пяти похожих домишек, которые выглядели аналогичным образом, что и первая хата.

Вокруг буквально ощущалась аура обветшания и обречённости, характерная для подобных развалин. Оставленные людьми огороды давным-давно заросли высокой травой, среди которой возвышались молодые деревца. Вокруг ни души. Лишь щебетали различные лесные птицы, и к их хору периодически подключалась вездесущая кукушка.

Прокатившись по малоиспользуемому просёлку ещё где-то с километр, мы вновь повернули, миновали недавно вспаханное поле и наконец-то попали в обитаемый мир. Сначала нас облял какой-то барбос, храбро выскочивший из-за покосившегося забора. На зов бдительного четвероногого сторожа появились ещё две псины – типичные дворняги смешанных кровей, образовав вокруг машин настоящий гавкающий эскорт. Наконец, у ворот третьего по счёту дома мы повстречали пару старушек, о чём-то эмоционально беседующих меж собой. Те мигом примолкли, разглядывая вылезавших из джипов вооружённых незнакомцев.

– Давыдовна, глянь-ка, да это же сам Еремеев! – всплеснув руками, охнула одна из пенсионерок. – Николай Павлович!!! Николай Павлович! Это что же это такое делается?! Когда наша полиция слона поймаёт?

Не успели мои опера и глазом моргнуть, как обе бабульки подскочили к машинам, засыпав нас кучей вопросов. Поначалу мне показалось, что здесь уже каким-то образом прознали о глобальных переменах, случившихся в мире. Я особо не удивился тому, что пенсионерки узнали Еремеева, так как его физиономию частенько могли видеть в том же самом Данилово.

– Эээ... Здравствуйте, женщины, – а Николай, похоже, чуть смутился, не зная, как общаться с людьми данной возрастной категории. Скажешь им правду, глядишь, а старушенция вдруг хлоп, и в обморок свалится. А то и вообще отдаст богу душу, не дай бог. – А что у вас здесь случилось-то, расскажите?

– Ох, случилось, и такое случилось, Николай Павлович, что ни за что не поверите, – перекрестясь, запричитала одна из бабушек. – Нашей-то Марья Степановны дом, почитай, на краю леса стоит. Всякое бывало, иногда к Степановне и кабаны зимой во двор забегали, и лисы курей таскали... Так никогда же никаких слонов не бывало, по телевизору сказывали, что не водятся они у нас... А тут сегодня Марья Степановна утречком во двор вышла, а за забором стоит слонище и на неё зенки-то свои вылупил... Степановна как заорёт – а голос-то у неё звонок был по молодости – что вся деревня, почитай, переполошилась... А слон тот как бросился обратно в лес, что его и след простыл... Телефон-то, Николай Павлович, не работает, электричества нет, вот и не знаем, кому сообщить о зверюге. Видать, из зоопарка сбежал, окаянный, или из цирка какого-нибудь.

Из несколько сбивчивого рассказа Татьяны Петровны удалось выяснить, что упомянутая Марья Степановна жива, отделавшись сильным испугом. Кроме самой Марьи Степановны никто не видел убежавшего в лес слона, но на опушке леса животное оставило следы своих огромных ног. Мужиков, а уж тем более охотников, в деревеньке практически не было. Ну, не считать же мужиком вечно пьяного в хлам сына тётки Андрея Петренко, который и на сей раз дрых в доме матери, начав отмечать Первомай ещё дня два назад.

В общем, на момент нашего приезда основная масса бабулек дислоцировалась у хаты Степановны, обсуждая событие года – появление африканского зверя в типично российской деревеньке. Думаю, что даже приезд президента не вызвал бы у старушек подобного ажиотажа, кроме того, поначалу пенсионерки позабыли нам рассказать, что и у них произошли чудеса с колодцами.

– Ну, что, товарищи полицейские, давайте глянем, что за слоны такие пугают наших пенсионерок, – сдерживая улыбку, произнёс я. – Поехали на околицу.

– Да, да, товарищ майор, едем, – с заметным облегчением отозвался мой бывший однополчанин. – До свидания, бабушки... Ёшкин кот, все уши прожужжали.

– А ты чего думал? Бабульки – они такие, – засмеялся я. – Готовься к повторению приёма.

Как в воду глядел. Подъехав к дому ставшей местной знаменитостью Марьи Степановны, мы попали в окружение десятка пенсионерок, которые наперебой принялись красочно расписывать события этого утра. Еремеева вновь моментально узнали, и ему пришлось выслушивать совсем уж фантастические подробности о похождениях слонюги в Замятино и отвечать на вопросы обо всём и вся. Взвалив на Николая работу по общению с населением – как-никак местный житель, – мы пошли смотреть на следы того, кто напугал старушек.

– Ну, кто-нибудь из вас разбирается в слонах? – полюбовавшись на отпечатки чьих-то круглых ног, я перевёл взгляд на своих оперов. – Слоноводы у нас имеются?

– Угу, каждый десятый – потомственный слоновод, млин, – буркнул в ответ Ковалёв. – Вон, Ерёма идёт, спроси его, может, он куда-нибудь в Африку на сафари ездил.

– Не был я на сафари, – отрицательно покачал головой Николай. – Хотя звали не раз.

– Ладно, Африка сама в гости к нам пришла, парни, – произнёс Зеленцов, указывая на сломанные ветки кустарника и примятую траву. – Володя, столь крупные «тазики» никак не спрячешь – отпечатки должны быть очень отчётливы на любой почве. В общем, надо идти по следу, глянуть, что и как.

– Согласен, – кивнул я. – Давайте, мужики, очень аккуратно и не спеша.

Мы тихонько двинулись в лес, таясь за деревьями, прислушиваясь к пению птиц и приглядываясь к любой тени. Автоматы держали наготове, надеясь, в случае чего, быстренько нафаршировать свинцом любую зверушку. Лишь бы у той зверушки не было панциря или ещё какой-нибудь продвинутой природной защиты. Кто знает, что за фауна здесь водится?

Именуемое «слоном» неизвестное животное ломилось сквозь лес, словно заправский танк, и оставило за собой отлично видимую тропу. Держась этой тропы, мы прошли что-то около сотни метров и вскоре заметили просветы между деревьями. Прошли ещё метров двести и вышли к очередной границе двух миров. Здесь оказалось всё то же самое, что и во всех остальных подобных точках – «наш» ландшафт чуть возвышался над чужеродным редколесием. Немного, всего лишь на какой-нибудь метр, но возвышался.

– На лесостепь похоже, – прошептал мой напарник. – Трава и деревья сильно смахивают на те, что растут в Африке.

– А ты откуда это знаешь, а? – также шёпотом поинтересовался я. – В Африке побывал?

– По телеку видел, – отозвался Михаил. – Передача была, про Серенгети, что ли.

– Тсс... Тихо, – приложил палец к губам Саша Барулин. – Там, на два часа, где кустарник шевелится...

Мы замолчали, залегли и принялись тихонько наблюдать за указанным ориентиром. Спустя какое-то время кустарник зашевелился, и из зарослей показался... мамонт. Самый натуральный, покрытый серо-зелёной шерстью, с огромными бивнями и ушами. Постояв секунд десять, приняв себя к запахам, животное неторопливо двинулось в сторону соседних зарослей. Следом за первым мамонтом на поляне появился второй, а за ним последовал третий, четвёртый... Семейка из шести шерстистых слонов – всё-таки не тянули они на мамонтов с рыжей шерстью – принялась объедать свежий кустарник, не обращая на нас никакого внимания.

– Никого не бояться, – прошептал Николай. – Видимо, у них здесь нет никаких естественных врагов.

– Скорее всего, они просто не знакомы с главным хищником всех миров – с человеком, – усмехнулся я. – Ладно, народ, поглазели на чудо и хватит. Двигаем обратно в Замятино и думаем, что делать с таким соседством.

Возвратясь к дому Марьи Степановны, мы вновь пересеклись со всем населением деревушки – со всеми тринадцатью старушенциями. Решив, что пенсионерок нельзя дальше держать в неведении, я попросил принести мне валерьянки. Бабульки удивились, но быстро выполнили мою просьбу.

Следующая моя просьба взволновала старушек, вызвав множество предположений и домыслов. В общем, подождав, пока каждая из женщин примет небольшую дозу успокоительного, я рассказал о происшедшем в мире катаклизме. Валерьянка, увы, помогла не очень – сразу у четырёх пенсионерок случились сердечные приступы. Поэтому мы решили задержаться в Замятино, чтобы не оставлять бабушек наедине с неприятными новостями и дикой фауной нового мира. Для одного дня похорон хватало, и хватало с лихвой.

Сообщив через Руденко Федосееву о своих планах, попросили того организовать медицинскую помощь и подумать об охране жителей. Глава пообещал вскорости решить проблему, в свою очередь, попросив нас осмотреть пустующие хаты на предмет поселения в них новых жильцов. Я согласился, решив, что заодно мы изучим подходы к деревушке, чтобы наметить какие-нибудь планы по ограничению доступа чужой живности к домам жителей. Затем Руслан сообщил, что Антонов уже нашёл доктора среди пассажиров «боинга», а «крузак» готов к ралли-рейду по любым ландшафтам.

– Хорошо, Рус, возьми проводника, и выезжайте, – немного подумав, решил я. – И ещё – оставь пару раций участковому и Федосееву, чтобы у нас была связь с Данилово.

– Сделаю, шеф. Скоро увидимся, – голосом Руденко прохрипела в ответ «моторола».

– Так, парни, давайте-ка в темпе разберёмся с жилплощадью, а потом посмотрим, что, там и как с подходами со стороны леса, – быстренько очертив фронт задач, я посмотрел на лица своих подчинённых. – Сначала поговорим с бабульками, может, кто-то из них возьмёт постояльцев в свои хаты.

В общем, когда через полчаса в Замятино приехал доктор, мы уже знали, что в селе пустуют девять домов, а каждая из пенсионерок согласилась приютить кого-нибудь из пассажиров. Состояние некоторых из строений оставляло желать лучшего, но, учитывая наличие инструментов и крепких мужских рук, эти проблемы можно было решить за недельку-другую. Я подозревал на основании ранее виденного, что мы попали в мир с более мягким климатом, где зимой не бывает тридцатиградусных морозов. Поэтому меня не пугало аварийное состояние пары-тройки печей в пустующих избах.

Приехавший с Русланом доктор оказался симпатичной брюнеткой небольшого роста с красивым лицом типично восточного типа. Как оказалось, Диана – так звали докторшу – являлась высококлассным пластическим хирургом и возвращалась домой с какого-то берлинского семинара по вопросам коррекции женских прелестей.

Вместо Питера пластический хирург в дорожном брючном костюме и в туфлях на высоких каблуках очутилась в каком-то Данилово, да ещё и в совершенно другом мире. Впрочем, держалась Диана молодцом – не плакала, не паниковала и ещё в самолёте помогла экипажу успокоить пару истеричек. Затем миниатюрная казашка попала на глаза обвешанному оружием бравому капитану полиции, и как я понял, Руденко не собирался упускать из виду такую женщину.

Поначалу я предположил, что пластический хирург на шпильках ни черта не понимает во всей остальной медицине, и от неё не будет никакого толку. Однако оказался неправ. Диана с отличием закончила медицинский институт, обладала хорошей памятью и умела располагать к себе людей. К сожалению, возможности доктора оказались сильно стеснёнными в плане лекарственных препаратов, поэтому я надеялся больше на милость Всевышнего, чем на дамочку в брючном костюме.

Оставив Диану творить чудеса, мы занялись подходами к деревне. Обошли и объехали околицы села и его ближайшие окрестности, наметили пару мест для охотничьей засады. По большому счёту Замятино следовало бы отгородить от чужого мира несколькими рядами колючей проволоки и выставить на звериных тропах минные поля. По образцу тех, что мы ставили на душманских тропах через границу в Таджикистане.

Увы, всё вновь упиралось в наши весьма скудные ресурсы, поэтому я ограничился составлением плана инженерных заграждений из подручных материалов – елей и сосен, что вплотную росли на околице. По моим прикидкам, весь близлежащий лес можно было смело вырубать метров на сто в сторону чужой земли. Это позволило бы создать хорошо просматриваемую и простреливаемую буферную зону между домами и дикой живностью.

– Николай Павлович, товарищи полицейские, милые, сходите с нами к Никифоровне, – обратилась к нам всё та же говорливая Татьяна Петровна, когда мы возвратились обратно в село. – Вера, ну, чего стоишь и молчишь? Говори Николай Павловичу и товарищам из полиции то, о чём только что поведала мне.

– Ох, простите меня, дуру старую, но как отец – царствие ему небесное – повелел молчать, так и молчала всю жизнь, – быстро-быстро перекрестилась небольшого роста бабулька лет восьмидесяти. – Видать, пришло время раскрыть тайну... Батюшка-то мой в партизанах был, почитай три года по лесам прятался, немчуру бил. А как прогнали германца, припрятал он кое-какое оружие... Знал, что незаконно это, но припрятал... Сам он молчал всю жизнь, и мы с сестрой молчали. Почитай, забыли про то, что отец на чердаке прятал... Заберите вы, товарищи, те ящики, что на чердаке стоят, одной мне их не вытащить – уж больно они тяжкие...

– Погодите, эээ... Вера Никифоровна, у вас в доме есть оружие? – честно говоря, поначалу я не поверил своим ушам. Парни, фигурально выражаясь, пооткрывали от удивления свои рты. – Сохранившееся ещё со времён войны?

– Да, сынок, так, в ящиках оно, – кивнула в ответ бабулька. – Отец, пока живой был, холил, сохранял и оберегал те ружья от ржавчины... А я уже, почитай, лет десять, как на чердак не лазила. Незачем оно мне, сынок, оружие то... Думала, как умру, так и унесу с собой тайну в могилу-то... Ан, нет, не судьба, видать... Посему забирайте, сынки, те ящики, вдруг они вам на что сгодятся.

– Вот те на, прямо триллер какой-то, – покачал головой Еремеев. – Вера Никифоровна, выходит, никто не знал про вашу тайну? Ни участковый, ни соседи, ни ваши дети?

– А на что им, Николай Павлович, знать было? – старушка укоризненно посмотрела на Николая. – То моя тайна, отца моего да сестры Глафиры, что померла года три назад... Никому и не надо было про то знать.

– Думаю, что ничего хорошего от тех стволов не осталось, – скептически заметил Ковалёв. – С войны столько лет прошло, да и условия хранения, скорее всего, подкачали. Ржавчина, разложение пороха...

– Чего гадать, Миша? Сходим и посмотрим на месте, – я в задумчивости поскрёб подбородок. – Да, много тайн хранит земля русская, много.

Спустя какое-то время мы поднялись на чердак в одной из хат и, следуя указаниям Веры Никифоровны, осторожно выволокли из хитроумно устроенного тайника два тяжёлых ящика с еле заметными надписями по-немецки. Тайник, надо сказать, был устроен весьма грамотно с точки зрения долговременного хранения – я никогда не видел ничего подобного.

Как говорится: век живи, век учись. Оба ящика потемнели от времени, но оказались крепкими, очень качественными, как говорят, добротными. Судя по всему, отец Веры Никифоровны выбрал наилучший упаковочный материал из того, что производил Третий рейх, и что оставили немцы при отступлении.

Повозившись немного с узким лазом, мы спустили оба ящика с чердака и вынесли их во двор. Не мудрствуя лукаво, попросили у хозяйки топор и вскрыли нашу находку. Внутри одного из ящиков оказался второй, опять-таки с маркировкой фашистской Германии. В другом же ящике наш ожидал сюрприз.

– Етижи-пассатижи, «машиненгеве», – едва глянув на содержимое, протянул Зеленцов. – Дорогая передача, я фигею, не иначе.

– Да, это самая настоящая «швейная машинка Гитлера», – кивнул мой напарник. – На вид сохранился неплохо. Ржавчина чуть видна... Но состояние однозначно намного лучше, чем у копанных стволов.

– А это, как я понимаю, «маузеровские» карабины, да? – Николай запустил руки в ящик и вытащил из него немецкую винтовку. – Надо же, в стволе затычка... Похоже, маслом залито было.

– Ой, сынки, отец мой, пока живой был, всё время керосин да масло изводил на енти самые ружья, – вздохнула Вера Никифоровна. – До самой своей смерти на чердак лазил.

– Так-так-так... Если эти штуковины постоянно смазывали и чистили, то есть шанс, что и пулемёт будет в рабочем состоянии, – вытащив из ящика козырной девайс, Руслан выдернул из ствола ветошь. – Чёрт, а как его разбирать-то?

– Дай-ка сюда, капитан, – протянув руку, попросил Соловьёв. – В Афгане нам попадались и китайские копии нашего оружия, и добротные европейские, и американские аппараты... А это их прямой предок.

Немного повертев пулемёт в руках, бывший десантник присел и сноровисто разобрал МГ, разложив составные части на крышке ящика. Мы сгрудились вокруг нашего товарища, глядя, как Владимир осматривает и протирает каждую железячку, пытаясь выяснить степень

сохранности всех деталей. Минут пять спустя Соловьёв распрямился, чуть улыбаясь, нашёл взглядом хозяйкуклада.

– Ваш папа, Вера Никифоровна, был настоящим русским солдатом, – произнёс мой тёзка. – Земной поклон ему и вам за воистину бесценный подарок в это трудное время.

Владимир поклонился бабушке в пояс, та, не удержавшись, пролила слезу. Татьяна Петровна сунула старушке платок, да и сама украдкой протерла глаза. Да, нелегко сейчас этим женщинам, ой как нелегко. Как и мы, тёртые жизнью крепкие мужики, они мгновенно потеряли всех своих близких, и в округе нет никого, кто бы их защитил от опасностей. Но у нас, мужиков, есть хотя бы оружие, по три ствола на брата, плюс уверенность в своих силах и плечо товарища рядом. А кто есть у них, у одиноких бабушек из Замятино?

– Патроны, по идее, должны быть годными для стрельбы, – открыв тот самый ящик в ящике, Саня Барулин распаковал одну из коробок, потом разорвал пачку. – Да тут промасленный пергамент, что ли.

– Надо будет отстрелять десяток-другой, проверить, – рассматривая маркировку патронов, произнёс Зеленцов. – «Маузеровский», как раз для пулемёта и карабинов... Сколько их здесь, Саша?

– Навскидку не меньше тысячи, – оценивающе прищурился капитан. – Да, тысяча точно будет... Эм-Гэ, два карабина, Бэ-Ка, и четыре ленты на пятьдесят патронов каждая... Живём, парни.

– Так, товарищи, давайте подгоняйте машины и забирайте ящики, – взглянув на часы, я поторопил своих оперов. – Ну, Вера Никифоровна, вы действительно сделали нам царский подарок. Обещаю, что с этим подарком мы защитим вас и от любых слонов, и от каких угодно хищников. Спасибо вам огромное, от всей души спасибо.

Бабушка расплакалась, Татьяна Петровна принялась её утешать, и мы вновь прибегли к помощи настойки из валерьяны. Видя состояние пожилой женщины, я попросил Руслана привезти докторшу – пусть Диана побудет какое-то время со старушкой, поработает психотерапевтом, что ли.

– Володя, а есть ли смысл тащить нашу находку в Данилово? – обратился ко мне Ковалёв. – Если пулемёт в рабочем состоянии, то его надо оставлять здесь, где бродит всякое зверьё. Может, калибром Эм-Гэ и не вышел, но со скорострельностью-то у него – просто зашибись. Любого мамонта пополам разрежет, а тигра вообще на куски порвёт.

– Читаешь мои мысли, Миша, – улыбнулся я. – Ну, для начала оружие надо почистить, опробовать патроны, убедиться, что всё в порядке. А потом... Придётся делить команду на две части: нужны сам пулемётчик, его помощник, плюс ещё пару бойцов для прикрытия.

– Почистить стволы и перебрать Бэ-Ка – дело недолгое, – усмехнулся Михаил. – Оружейного масла, поди, у тебя припасена целая канистра, да?

– Да, в пятилитровом бачке из-под какого-то технического, – кивнул я. – Бачок неполный, там литра четыре, четыре с половиной... Хорошо, для начала нам надо выбрать домик для дислокации будущего гарнизона села Замятино.

– Ага, ещё и флаг вывесить, и табличку на дверях прибить, – отозвался мой напарник. – Рус едет. Хватайте, парни, ящики, тащим к тачкам.

Вновь переговорив с местными бабушками и покумекав над свеженарисованным планом деревушки, мы приняли решение устроить базу гарнизона в соседнем от хаты Веры Никифоровны доме. Этот дом, точнее, обнесённый забором двор стоял на некотором возвышении над остальными постройками в Замятино. В дополнение к самому дому и хлеву для скота во дворе имелся добротный сарай для техники. Как выяснилось, сарай в своё время построил муж хозяйки, имевший трактор и работавший на нём. Супруг умер лет пять назад, и с тех пор сарай иногда использовали дальние родственники хозяйки из Данилово. В общем, в сарае свободно

помещалось сразу два джипа, а само расположение двора позволяло нам буквально за минуту домчатся до любой околицы деревеньки.

Хозяйку дома звали Натальей Ивановной, я дал бы ей навскидку лет шестьдесят, не более. Как говорится, дама была в теле, что не мешало ей развить кипучую деятельность, как только мы договорились о постое. Наталья Ивановна безапелляционно заявила, что от неё никто не уйдёт голодным, и тотчас принялась за готовку. Решив, что хозяйке надо бы немного подсобить, мы бросили жребий, и Зеленцов отправился на кухню чистить картошку и резать лук. Остальные занялись более грязным делом – чисткой оружия.

Где-то через полчаса на связь вышел Антонов, сообщив нам, что глава организовал команду ополченцев, которая выдвигается в Замятино. Ещё три подобные группы Федосеев планировал направить в близлежащие фермерские хозяйства, чтобы не повторилась трагедия, подобная той, что произошла на хуторе Макеева. В состав команд входили все местные охотники, вооружённые более-менее нормальными ружьями и карабинами.

В свою очередь, я проинформировал участкового, что намерен временно оставить в деревне несколько своих парней. Сообщил, где мы дислоцируемся, и что надо бы сделать для безопасности жителей Замятино. Антонов вздохнул, пообещав что-нибудь предпринять в ближайшем будущем. Мне подумалось, что и участковый и вся администрация по уши увязли в проблемах размещения и обеспечения более четырёхсот человек, что свалились на голову даниловцам почти в прямом смысле этого слова.

Обедали за накрытым во дворе столом, наскоро сооружённым из потемневших досок. Хлебосольная хозяйка хлопотала вокруг нас, всячески расхваливая таланты и способности докторши, сидевшей на почётном месте – в хорошем кожаном кресле, которое мы выволокли из дома специально для казашки. Диана смиренно принимала похвалу на свою голову, иногда кивая и уточняя некоторые моменты. Видимо, пластический хирург не впервой оказывалась в ситуации, когда её превозносили до небес.

Как бы мимоходом Диана сообщила, что ей придётся задержаться в Замятино на пару дней – состояние некоторых из пациенток внушало некоторое беспокойство, и им требовалось наблюдение врача. Мне понравился такой подход докторши к своему делу, и я решил в перспективе заполучить её в нашу команду. Затем Диана пожаловалась, что ей трудно ходить по рыхлой земле в туфельках на высоком каблуке, и попросила нас придумать что-нибудь для её миниатюрных ножек.

– Как только приедем в Данилово, я посмотрю у себя в шкафах, – уточнив у доктора размер обуви, пообещал Еремеев. – Нового, извините, не обещаю, всё ношеное.

– А пока, Дианочка, мы будем носить вас на руках, если не возражаете, – как бы между прочим произнёс Руденко.

Докторша слегка порозовела щёчками, стрельнув глазками в капитана, а мы с Ковалёвым переглянулись. Решение напрашивалось само собой, нам оставалось лишь подобрать третьего бойца в группу.

– Тёзка, придётся тебе переквалифицироваться обратно в свою армейскую специальность, – намекнул я Соловьёву. – Ты единственный из нас, кто хорошо знаком с этим «машиненгевером».

– Я уже догадался, – энергично работая челюстями, кивнул бывший десантник. – Сейчас пообедаем, набьём ленту и отстреляем десяток-другой патронов. Думаю, эта фрицевская машинка нас не подведёт.

– Заодно надо и карабины опробовать, – предложил Барулин. – Хотя бы по пять патронов на каждый.

– Добро, прокатимся до Марьи Степановны, попугаем здешних мамонтов, – решил я.

Откомандированные Федосеевым охотники нашли нас у забора звонкоголосой Марьи Степановны, где мы отстреливали немецкие патроны. Удивительно, но из выделенной для

пробы полусотни патронов произошла лишь одна осечка. «Машиненгевер» работал как часы, да и к карабинам не возникло никаких претензий. Мы вновь вознесли благодарности в адрес отца Веры Никифоровны, бывшего фашистов и не побоявшегося положить с прибором на родную власть и советское законодательство.

– Ого, откуда это у вас? – первым делом спросил нас лысоватый дядька лет пятидесяти пяти. – Это же немецкий, да?

– Бог послал, – улыбаясь, ответил Руденко. – Бог, как известно, любит пехоту, а подарки дарит всегда ментам. Не спрашивай, почему. Этого не знает никто.

Мы засмеялись шутке Руслана и быстро перезнакомились с вновь прибывшими. Итак, глава отрядил в Замятино пару настоящих охотников, вооружённых нарезными карабинами, и пару ополченцев с двумя гладкоствольными ружьями. Этим небольшим отрядом командовал Семён Семёныч – тот самый лысоватый дядька, которого сразу же заинтересовал фрицевский пулемёт.

Бывший военный, уволившийся из армии по состоянию здоровья, Семён Семёныч хорошо знал местную округу, часто охотился на кабанов, зимой занимался отстрелом волков. Команду подобрал сам, уломав Антонова отдать его отряду личную собственность участкового – «вепря». Сейчас, увидев наше богатство, охотник загорелся и стал выпрашивать хотя бы один немецкий карабин.

– Семён Семёныч, забирай оба, – переглянувшись с парнями, я решил сделать широкий жест. – Мы как-то к пистолетам и автоматам привычнее.

Радости охотника не было предела. Он быстро перетасовал оружие своего отряда, заграбастав себе один из «маузеров». Ещё больше Семён Семёныч обрадовался, когда узнал, что мы оставляем в селе джип и тройку бойцов с пулемётом. Теперь гарнизон имел две машины – даниловцы приехали на «уазике» – и мог отразить нашествие целой стаи местных слонов.

– Владимир Иванович, вот эту «сайгу» ты отдай Андрюхе Петренко или его водителю, – Семён Семёныч протянул мне одно из ружей. – Он у тётки своей должен быть, на грузовике приехал. Есть у меня такая чуйка, что нельзя нынче без оружия по округе шастать.

– Петренко здесь? – удивился Николай. – А чего это Федосеев нам ничего не сказал?

– Ай, запыхался Роман Георгиевич с делами, не приведи господь, – махнул рукой охотник. – Шутка ли: почти полтыщи душ расселить, накормить, да ещё и растолковать иностранцам, что и как. Да они же сортира деревенского в глаза не видели!

Мы откровенно заржали, представляя реакцию рафинированных француженочек на местные удобства. Хотя человек приспосабливается очень быстро – уже завтра дамы и господа перестанут морщить носики, посещая деревенские места общего пользования.

– В общем, я слышал, что иностранцев поначалу хотели поселить в школе и детском саду, а наших – их с пару сотен будет – распахать по избам, – продолжал рассказывать Семён Семёныч. – Да только среди наших нашлись депутаты или ещё там какие-то большие шишки, и вот они были дико недовольны тем, куда их хотели определить на постой. Федосееву пришлось пойти на попятную и отдать господам депутатам целый детсад.

– Да, весело стало в Данилово, – покачал головой Еремеев. – Как бы и на нашу базу кто-нибудь не позарился.

– У тебя же там охранник, Володька, кажется, – припомнил я, про себя отметив, что мой бывший однополчанин уже практически полностью ассоциирует себя со всем коллективом. – Выйди на связь, поговори с ним. Чёрт с ним, с ресурсом, как-нибудь зарядим от аккумуляторов.

Озадаченный Николай отошёл в сторону, чтобы переговорить по рации с оставленным на базе охранником, а мы решили просветить даниловских охотников насчёт чужой фауны. Рассказали всё, о чём знали, без утайки. Выслушав о наших приключениях, Семён Семёныч покачал головой и искренне поблагодарил за информацию.

Как оказалось, на фоне глобальных перемен трагедия фермера Макеева как-то незаметно отошла на второй план, и никто из охотников толком и не знал, с чем можно столкнуться на границах своей и чужой земли. Побывавшие на хуторе Макеева мужики не рассказали ничего конкретного, так как сами не владели полнотой информации. Ну да, в дом фермера они не заходили, забрали тела, и до свидания. А мамонтов видели только мы с Марьей Степановной, и никто больше.

Подошёл Еремеев, кратко пересказал доклад Володьки: на базе всё в порядке, а в магазин попытались проникнуть бывшие пассажиры «боинга», наши же соотечественники. Хотели достать спиртного, чтобы снять стресс, но обломались по полной. Антонов уже был в курсе происходящего, сам побывал на месте, усилив охрану стратегического объекта ещё тремя вооружёнными ополченцами.

– Зная наших, можно предположить, что всё ещё впереди, – добавил Николай в конце своего рассказа. – Если народ, не дай бог, раздобудет самогона, то впереди нас ждёт весёлая ночь.

– Нет, не ждёт, если мы предпримем превентивные меры, – возразил я, поворачиваясь к охотникам. – Мужики, мы рассказали вам всё по максимуму. Взамен хотелось бы также кое-что узнать, уточнить детали.

Спустя примерно четверть часа мы знали, кто и где в Данилово гонит самогон, сколько стоит литр первача и многое другое. Семён Семёныч признался, что он и сам иногда балуется для собственных нужд, но не в перебор, и не для торговли. По словам охотников, участковый знал всё и вся, но на самогоноварение смотрел сквозь пальцы. Что же, логично, любой бы на месте Антонова поступил точно так же. Как говорится: закон – тайга, медведь – хозяин.

– Ладно, мужики, бывайте, – я по очереди пожал руки охотникам. – Если что, связь через капитана Руденко. Он здесь главный.

Оставив даниловцев на окраине, мы погрузились в джипы и поехали к дому тётки Петренко. Через пару минут увидели грузовик и бывшего главу, на пару с водителем загружавшим в кузов машины какой-то агрегат. Выяснилось, что Петренко приехал в Замятино, чтобы забрать у своей тётки дизель-генератор и небольшой запас солярки. Мы помогли Андрею с погрузкой, вручили ему «сайгу», а Еремеев ещё и пообещал лично навешать люлей, если Петренко ещё хоть раз выедет из села безоружным.

– Ну что, парни, бросим жребий, кому оставаться? – предложил Зеленцов, когда грузовик скрылся за поворотом. – Или начальство кого назначит?

– А может, найдутся добровольцы? – возразил Ковалёв, хлопая себя по карманам. – Млин, а ведь спички теперь – стратегический ресурс. Придётся искать соломинку.

– Владимир Иванович, а давайте я останусь, – неожиданно вызвался Костя Григорьев.

– А ты справишься? – оценивающе взглянув на лейтенанта, прищурился Соловьёв. – Худой, тощий, длинный, как жердь... Если вдруг придётся тащить и меня, и пулёмёт, а?

– Костя справится. Он у нас с детства карате занимается, и с выносливостью у него всё в порядке, – Руслан не дал и рта раскрыть Григорьеву. – Добро пожаловать в егеря, Костян.

– Ладно вы, егеря, смотрите в оба, – улыбнулся я. – Дайте одну рацию Семён Семёнычу, проведите работу с населением и берегите Диану – пока что она одна-единственная докторша на всю округу.

– Я же обещал, что буду носить её на руках, значит, так оно и будет, – в глазах Руденко сверкнули бесенята. – Правильно, Костян, что решил остаться. В Данилово сейчас, как в Москве – сто приезжих рыл на один квадратный метр. А здесь – красота, птички поют, тишина, спокойствие.

– Мамонты по деревне бродят, а ещё и тигры людей едят, – съехидничал Барулин, пожимая Руслану руку. – Ладно, бывайте, сеньоры егеря, ни пуха вам и ни пера.

Расставшись со своими товарищами, мы решили не торопиться в Данилово и по максимуму использовать оставшееся светлое время суток. После недолгого совещания свернули на юго-запад, чтобы обследовать границу двух миров в направлении шоссе и моря.

Путь оказался сложным даже для наших внедорожников: почти сплошной лес вперемежку с кустарником не давали возможности ехать напрямик. Приходилось постоянно спешиваться, чтобы найти объезд, выбрать проходимый для техники маршрут.

Мы промучились часа полтора и очень обрадовались, когда наконец увидели перед собой чистое поле и линейку столбов ЛЭП. Спустя четверть часа оба наших заляпанных грязью джипа вырулили на шоссе, и я с облегчением вздохнул.

– (Цензура), а не дорога. Но мамонты в эти дебри не сунутся, не дураки же они ломиться сквозь сосняк и густой ельник, где даже человек с трудом протискивается, – подвёл итог нашего рейда Еремеев.

– Зато кто-нибудь помельче просочится и не поморщится, – скептически заметил Ковалёв. – Давайте-ка глянем, что там с разбитой фурой.

Потерпевшая аварию фура лежала на том же месте, где мы её видели в прошлый раз. А вот её груз – продукты, поддоны – исчезли, словно их там и не было. Я только хмыкнул, глядя, как какой-то мелкий зверёк обследует остатки круп и макарон на предмет съедобности. Зверёк походил на бурундука – такой же полосатый, с пышным хвостом, но имел странные уши, делавшие его похожим на зайца. Этаким полосатый заяц с пышным хвостом, совсем не боявшийся людей.

– Федосеев, похоже, выслал сюда толковых работников, – понаблюдав за зверьком, заметил Зеленцов. – Вывезли всё, что смогли, оставили одни крошки. Поехали, парни.

По пути в Данилово решили завернуть заодно и к «илу» с «боингом», которые стояли на другом конце трассы. Там нас встретил патруль из троих вооружённых ополченцев, несущих охрану самолётов. По словам мужиков, закончив разгрузку багажного отделения авиалайнера «Люфтганзы», наши и немецкие лётчики подались в Данилово. Чуть ранее в село уехал и вездеход МЧС, нагруженный бочками с соляжкой. Французов ополченцы не видели, слышали лишь, что те хорошо поработали на своём полуутопленном «аэробусе».

Въехав в Данилово, мы сразу же окунулись в атмосферу спешки и суеты. По улицам деревни шло множество праздного народа, одетого кто во что, говорящего на десятке европейских языков. Почти в каждом дворе появились нежданные постояльцы, зачастую с трудом способные объясниться с хозяевами. Быстро выяснилось, что администрации не удалось, как планировалось, «запихнуть» в здание школы всех иностранцев, и Федосеев попросил жителей села помочь людям. В общем, бедлам, да и только.

Мы нашли Романа Георгиевича в здании правления, вокруг которого продолжал толпиться народ. Задёрганный и охрипший глава вёл переговоры с интернационалом лётчиков, с помощью переводчика – уже знакомой нам Марины, – обсуждая вопрос превращения «боинга» в гостиницу с видом на природу. Иностранцы кивали, соглашаясь друг с другом и со своими российскими коллегами, на ходу составляли список необходимого для работы оборудования и т. и.

Наше появление вызвало бурю эмоций, французы и парни Анисина сразу же засыпали моих оперов массой вопросов, на большинство из которых мы не могли ответить. Сославшись на то, что мы только что приехали и ничего такого не знаем, мы улизнули из правления под предлогом поиска участкового.

Выждав, пока Федосеев наконец-то освободился, переговорили с ним, в подробностях доложив обо всех происшествиях и поездках. Выслушав наши невесёлые новости, Роман Георгиевич тяжело вздохнул и попросил не давить на самогонщиков, а тактично попросить граждан проявить сознательность. Мы с парнями переглянулись, с трудом сдерживая улыбки, и поехали бороться с «зелёным змием». Баталии происходили примерно следующим образом.

– Доброго здоровья вам, Марьянна, – широко улыбаясь во весь рот, Еремеев приветствовал очередную хозяйку (или хозяина) самогонного аппарата. – Времена, Марьянна, настают трудные, в цене каждый гвоздь, каждая крошка хлеба, любая полезная в хозяйстве вещь... Мы и администрация села убедительно просим вас приберечь стратегическое сырьё, которое вы храните дома в подвале, не торговать им, и вообще, никому из приезжих не говорить о своей маленькой тайне... Откуда знаем? Ну, нам же положено всё знать. Мы – и полиция и прокурор в одном лице... В общем, я рассчитываю на наше с вами взаимопонимание и взаимовыгодное сотрудничество.

Пока Николай толкал свои речи, мы стояли за его спиной, делали морды кирпичом и сверлили счастливых обладателей самогонных аппаратов тяжёлыми ментовскими взглядами. Иногда я с трудом сдерживался, чтобы не заржать, слушая перлы своего бывшего однополчанина и глядя на испуганные рожи обывателей.

Самогонщики приходили в ступор – сам Ерёма Безбашенный фактически предлагал им своё личное расположение в обмен на плёвую услугу! Мои опера также прониклись моментом – шумно сопели, когда это было нужно, важно кивали, даже иногда поддакивали. Спектакль под названием «борьба с зелёным змием» удался на славу, хотя мы и убили на эти представления часа два чистого времени.

– Всё, поехали на базу... Надоело мне из себя клоуна корчить, – с облегчением вздохнул Николай, когда закончили со списком Семён Семёныча. – Если кто из пассажиров нажрётся этой ночью – это уже не наш косяк. В самолётах всякого бухла было до ж...ы... Кстати, народ, у меня есть отличный вискарь и неплохой коньяк.

– Всё, как всегда: на самих законников законы не распространяются, – усмехнувшись, буркнул Ковалёв. – Ну, что, нарежемся в стельку или как?

– Граммов двести на брата, не более, – решил я. – И только после того, как каждый сменится из караула.

– Ну, вот, узнаю старину сержанта Иванникова, – скривил физиономию Еремеев. – Устав, дисциплина, порядок. Подъём в пять утра, отбой в двадцать три ноль-ноль.

– Без этого никак, Николай, – совершенно серьёзно ответил я. – Да, дежурить будем парами, во избежание, так сказать.

Нашим благостным планам, однако, не суждено было сбыться. На связь вышел Антонов, сообщив, что глава собирает совещание штаба в восемь часов вечера. Явка, как вы понимаете, строго обязательна. Пришлось наскоро перекусить, распределить задачи между личным составом и ехать к Федосееву. Поехали мы втроём: я, Еремеев и Михаил – мой напарник и заместитель.

Перед выездом Николай пошуровал по шкафам, выудив откуда-то из своих загошников импортный ПНВ. Подумали мы немного и позвали из кухни Владислава – пусть тот прогуляется перед сном до владений отца Серафима. Сграбастав прибор, Зеленцов с одним из охранников отправились к церкви – проверять и налаживать работу наблюдателей, которые вроде сидели на колокольне. Барулин с Новичонковым и двумя остальными секьюрити занялись подготовкой базы к круговой обороне. Так, на всякий случай.

На совещании штаба главы администрации присутствовали человек двадцать: коренные даниловцы, трое лётчиков – командиры воздушных кораблей, выборные от пассажиров, ну и мы втроём. Федосеев говорил тихим голосом, ждал, пока Марина переведёт сказанное на два языка, затем снова продолжал вещать.

Со слов Романа Георгиевича выходило, что без неожиданных гостей Данилово могло продержаться на собственных запасах продовольствия месяца три-четыре. Это без учёта семенных запасов местных аграриев, которые были приготовлены к посевной. Из-за увеличения населения посёлка более чем вдвое, продуктовых запасов в Данилово хватало месяца на два, не более. При этом Федосеев отметил, что при подсчётах ресурсов не учитывалось поголовье молочных

коров у фермеров Савченкова и Чугунова и не считались хрюшки в свинарнике Доренко. Это, как сказал глава, неприкосновенный запас на случай совсем уж большого голода.

Проблему с питьевой водой планировалось решить в ближайшие дни, углубив тем, кому требовалось, их колодцы и выкопав новые. Для этого имелись все необходимые ресурсы: люди, техника, бетонные кольца. Качество грунтовых вод в этом мире, по словам школьного учителя химии, оказалось отличным, выше всяких похвал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.